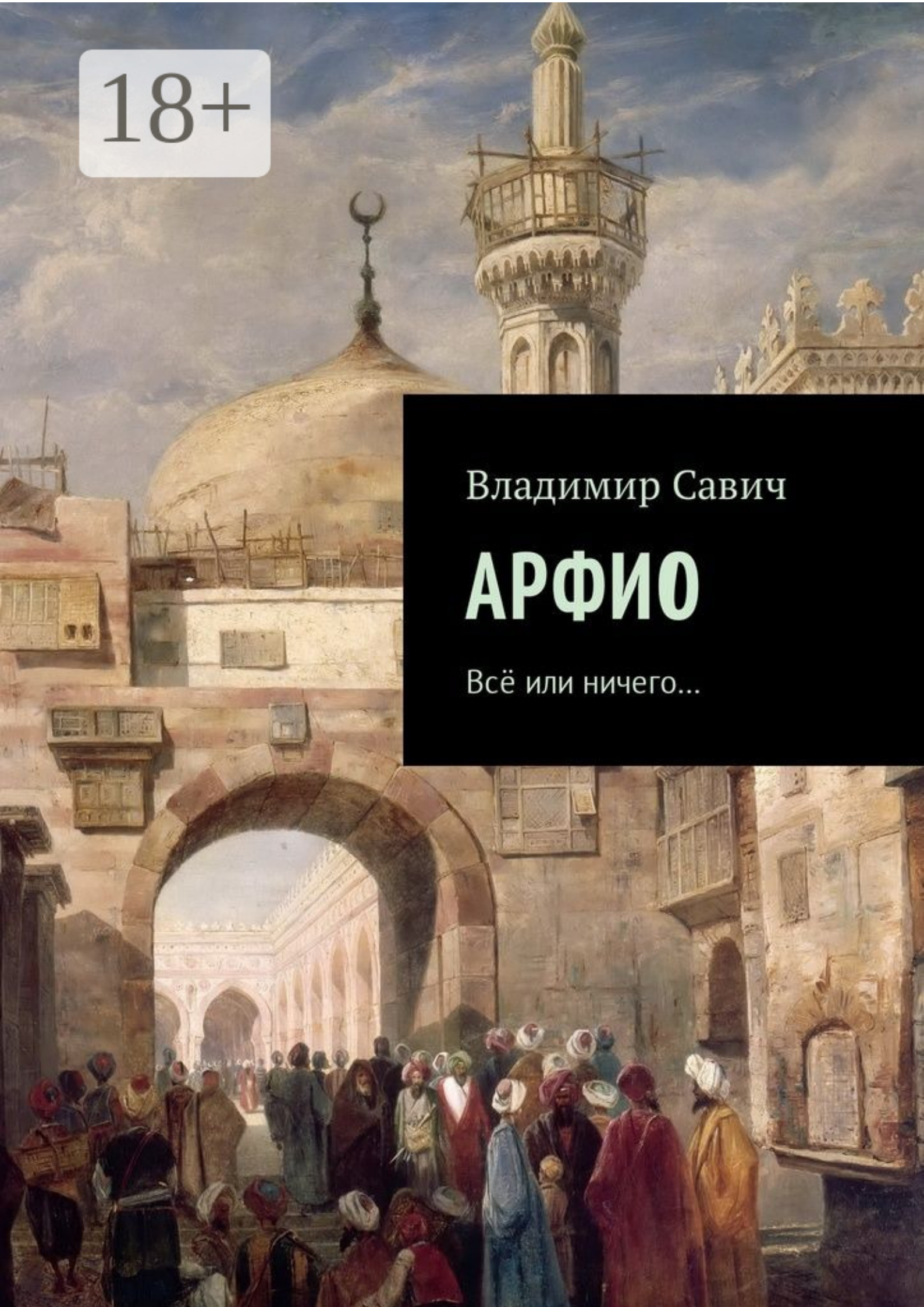

18+

Владимир Савич

АРФИО

Всё или ничего...

Владимир Савич

Арфио. Все или ничего...

«Издательские решения»

Савич В.

Арфио. Все или ничего... / В. Савич — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900573-1

Несмотря ни на что заполучить старинный манускрипт Магдалины, передающий своему обладателю деньги и власть над всем миром. Именно такая задача стоит перед обычным студентом Григорием Яблонским. Бегство от КГБ, постоянная угроза жизни и разбитые сердца любимых девушек — цена за находку. Но стоит ли игра свеч?.. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-900573-1

© Савич В.
© Издательские решения

Содержание

Картина первая	6
Картина вторая	13
Картина третья	15
Картина четвертая	19
Картина пятая	24
Картина шестая	29
Картина седьмая	31
Картина восьмая	40
Картина девятая	44
Картина десятая	49
Картина одиннадцатая	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Арфио Все или ничего...

Владимир Савич

© Владимир Савич, 2017

ISBN 978-5-4490-0573-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Картина первая

Как-то погожим деньком к Карпу Яковлевичу Грымзе, инспектору местного лесничества, невысокому, коренастому, лохматому, пучеглазому, больше похожему на лешего, нежели на человека, приехал свояк, колхозный бригадир Мурзыкин Иван Савельевич.

– Надумал я, Яковлевич, – сказал Иван Савельевич, поставив на стол трехлитровую банку первача и добрый шмат сала (так как свояк и лесник жили в западной провинции русской империи, то разговор они вели на западнорусском диалекте).

– Хачу сваяму сыну хату поставить. Жаниуся ж мой Толик. И ты на вяселе гуляу, Яковлевич! Гуляу?

– Ну – подтвердил Карп Яковлевич.

– Так ось жаниуся, а где жить? У мяне хата малая. Да и потом не век же яму с батьками жить. Правильно я кажу, Яковлевич?

– Правильно, – закусывая самогон салом, ответил лесник. – Хата дело доброе!

– Доброе то доброе, а де на яе лесоматериал узять?

– И сколька же табе патребна? – по-деловому, быстро спросил лесник.

– Ты же лучшей знаешь, Яковлевич. Сколько надо – столько и руби.

– Легка сказать руби, – усмехнулся Карп Яковлевич. – А кали начальство спросить кому я гытый лес рубиу, што я им отвечу, якия бумаги покажу?

– Да бумаги ёсти, Яковлевич. Я у сваяго председателя бумаги выправил. Я гнилые бревна в соседнем колхозе купиу!

Между нами говоря, гнилье это обошлось свояку в ведро самогона, плюс половина государственного кабана.

– Так яны, гытая старые доски и пойдут на строительство коровника, а с твоих новых мы хату поставим. Так, что, Яковлевич, ты давай пей и дело разумей. Руби смело. Все буде у полным порядку!

Лесник выполнил распоряжение свояка, и смело выдул трехлитровую банку, потом еще одну и все это дело, ближе к ночи, запил теплым из сельмага бутылочным пивом. За что был жестоко бит своею женой Верой Семеновной.

Утром Грымза поднялся с жуткой головной болью. Долго плескался под умывальником. Выдул две кружки огуречного рассола. Полегчало. Карп Яковлевич достал из чулана рюкзак, сунул в него полбуханки ржаного хлеба, две цибулины, кусок оставшегося от вчерашней попойки сала, в военную флягу слил остатками «родственного» самогона. На одно плечо он забросил ружье. На другое – рюкзак, кликнул молодую,

недавно приобретенную, впервые шедшую с хозяином в лес, сучку Жучку и отправился искать делянку.

Я. Грымза долго бродил по своему участку, но найти приличный лес не мог, да и как его найдешь, когда все приличное давно уже вырубил начальство и сам Карп Яковлевич.

Под ногами у лесника вертелась Жучка и приятно хрустели сухие ветки. В кронах деревьев мило щебетали лесные птахи. Ярко, но не жарко светило летнее солнце. Славный, одним словом, стоял день, но Карпу Яковлевичу было не до прелестей (главное было найти лес). А деньки? мало ли он что ли навидался их на своем веку пригожих летне-осенних и прочих деньков. Очень даже много. Всех и не упомнишь. Полжизни, не шутка сказать, отмотал из положенного ему срока Карп Яковлевич, правда, кто знает, когда этот срок заканчивается!?

Другой человек думает:

– Ну, вот мне и пятьдесят. Конец уже близок! Прозвенел, что называется, первый звоночек. И уж себе и домовину сколотит и белье погребальное спроворит, но глядишь, мужичку

уже и шестьдесят стукнуло, а там и семьдесят отметил. Глядь, уже и сотка набежала! Уж и люди шикают, и родственники намекают, торопят...

Задержался, мол, на свете, мужичок!

Задержался, конечно, замешкался, но живым то в могилу не полезешь!? Короче, жестокое это дело – век на свете жить. Лучше уж молодым, хоть сэкономишь на косметологических процедурах.

Долго ходил К. Я. Грымза, по своему участку, почесывая ноющее отвислое ухо и обращаясь к собаке:

– Дефект этот, Жучка, у меня не врожденный, а приобретенный. И виной тому змея подкодная, кошка драная, то есть баба моя Вера Семеновна Грымза. Баба она что надо! Дородная, емкая баба! Такая не то, что коня, она моя Вера Семеновна и весь табун развернет. Ну, ты еще сама, поживешь у меня малость, узнаешь! Дужа супружница не любит мене хмельного. Яно и, правда, Жучка, не за что меня поддатого-то любить. Я и трезвый так себе мужик, не сахар, а уж подпитый и вовсе ни в якия ворота. Матерюсь, дерусь и правду шукаю. А где ж ее на земле найдешь, когда ее и на небе нема! И вот понимаешь ты, собака, когда я особо разойдусь, ну по пьяному, я имею в виду, делу. То сволочь эта. Ну, баба моя, стало быть, хватает меня за ухо. Оно бы, Жучка, и ничего! Кабы, положим, в один день хватала бы она меня за правое ухо, а уж в следующий запой за левое. Так нет же все время, змея подкодная, тягает меня за левое ухо. Это потому, Жучка, что Вера Семеновна моя – левша. И вот так, падла, ухватит меня за левое ухо и с криками «ужо я тебе покажу, собака» волоче меня у хату. А какая я ж, Жучка, собака?

Это ты собака, а я человек. Существо тонкое. Меня уважать надо, а не собакой обзывать. Я хоть и дурной пьяный – это я железно подтверждаю, но усе же не собака. У собаки хвост, прикус, а меня душа! Правильно я кажу?

Жучка присела на задние лапы и завьбла.

– Вот даже ты разумешь, хоть и глупое ты существо! – потрепав Жучку за уши, сказал лесник. – А баба моя, Вера Семеновна не хрена не понимает. Но я тебе вот что еще скажу, Жучка. Вухо мое отвислое – не простое вухо, а золотое. Потому как чует оно, ну вухо, то есть, версту, як ты мозговую косточку, близкую грозу или сильную пьянку. Хотя сеня вроде яно меня и обманывает.

Лесник посмотрел своими выцветшими от пьянки глазами в ясное летнее небо.

– На небе сёня ни водного облачка. И стрижи опять же высоко у небе летают. Это стопроцентно, что дождя не буде. Ну, ты сама на свете поживешь, узнаешь. Я тебе многому, собака, навучу. И на лису ходить и на уток.

Лесник взял паузу и продолжил:

– Ну, а насчет выпивки, тут тоже ничего мне, собака, не обломится. Разве ж фляжка самогона, что ляжит у меня в рюкзаке – это пьянка. Это так, собака, чуть глаза замутить. Мне чтобы напиться, ты уж знай, патаму як придется тебе не раз и не два со мной пьяным ходить, таких фляжек как эта штук пять, а то и шесть треба, а где их сеня узять. А?

Собака виновато, опустила глаза.

– Не ведаешь? И я не знаю!

Я тебе так скажу, Жучка, в эту пору у лесе только, что дурницу, это ягода такая, найдешь. От дурницы же гэтай только голова болит, а удовольствия ни якого. Ну, ты еще узнаешь и про дурницу, и про чабрец, и про зверобой, и про корень. – Лесник похлопал себя по паху. – Для мужицкой силы!

Но это, собака, потым, а пока давай-ка, мы с тобой отдохнем, перекусим, ну и закинем маленько, без етого нияк нельзя, бо кумпол тращит, за воротник.

Опять же место как раз к этому располагает. Доброе место. Я его вельми люблю! Место и впрямь было хорошее.

Небольшая, великолепным сосновым бором и покрытая цветочным ковром полянка. Измерив шагами опушку бора, К. Я. Грымза небольшим топориком наметил годные для стройматериала деревья. Закончив обход, он накрыл цветочную поляну своей выцветшей плащ-палаткой. Кряхтя и ругая почему-то за ноющую голову и печень не

себя, а Божью мать, присел на плащ-палатку и достал из рюкзака: сало, цибулю, вареные яйца, самогон. Гигантским служебным тесаком отрезал добрую краюху хлеба, им же располосовал сало. Трясущимися после вчерашней попойки руками очистил (раза два уронив его на землю) куриное яйцо. Извлек из рюкзака флягу и металлический стаканчик. Дунул в него, выметая таким образом из стаканчика всяческий мусор: сосновые иголки, куриные перышки, сухие веточки и прочий вздор. Поднес флягу к стаканчику. Собрался, было уже налить в него содержимое фляги, но в последнюю минуту передумал, взболтнул фляжку и выдул ее содержимое одним глотком.

Перво-наперво в рот было заброшено сало, затем надкушена цибуля и только уж потом взялся Карп Яковлевич за хлеб и яйца.

– Держи и ты, – бросил он кусок сала покорно ожидающей подачке собаке. Жучка благодарно взвизгнула и впиалась молодыми здоровыми клыками в аппетитное сало.

Голова у Карпа Яковлевича приятно закружилась, и потянуло его на песни. Карп Яковлевич заголосил свою любимую:

– Касиу Ясь канюшину. Касиу ясь канюшину. Поглядау на дяучину...

Закончив, он сказал внимательно слушающей его Жучке.

– Я, собака ты этакая, петь люблю! Ой, люблю. Мяне, знаешь ты, после выпивки и хлебом не корми, я и песнями закушу. Во як!

Я много, Жучка, песен знаю и русских, и малорусских, и казацких и всяких прочих, а яких не знаю, так те тоже подпою.

Но тут уж, мать его, зависит сколько я стаканов пропустиу! Я один раз так, мать яго идти, «нажрауся» со стилиягами. Яны это, стилияги значитца, стояли лагерем на маем лясном участке. Ну, падау я з ими и стау, значитца голосить ихние песни. Ну, горлопаню, а сам и ведать не ведаю, что горлопаню. Потым значит, глядь и вижу мужики, якие-то, на полянке нашей появились и не одни, а с черным вороном. Ну, то есть милицейским газиком. Ну, я понятно дело у шум, у драку. По якому такому, понимаешь ты, праву чините арест, суки вы этакие! Скрутили яны мяне, значитца, як миленького. На утро просыпаюсь я, Жучка, в обезьяннике, а мне и говорят. Кранты, табе, Яковлевич, загремишь ты по статье «Измена Родине». «Як так», пытаю. А так, отвечают, «Арау ты учора на весь лес с волосатиками антисавейские песни и галоуное, что статья на это дело имеется».

Я тут конечно – хлопцы родные, не губите, отпустите. Ну, выпустили, значит, мяне, под расписку... я у район к прокурору. За пять кубометров леса, ну и что воевал, подмогло, конечно, закрыли дело. У мяне ж орден и медалей штук пять.

Но это Жучка уже не слышала. Она в это время разбрасывала лапами ветки.

– Ты чаго там, Жучка, делаешь? – спросил лесник. Собака ответила рычанием.

Карп Яковлевич встал и подошел к собаке.

– Вот ты, мать честная! – сказал он, увидев в густых кустах орешника что-то металлическое. – Сколько лет на этой поляне сижу, а никогда гэтага ящика не бачау. Откуда ж ён узяуся? Тут же такая глушь, собака, я табе скажу, что сюды во время войны даже партизаны не ходили!

К. Я. Грымза покрутил головой, прогоняя, таким образом, виденье, но как ни крутил он кудлатой своей головой, ящик по-прежнему оставался на том же самом месте. На нем даже виднелся инвентаризационный номер 1785676.

Хозяин леса ухватил ящик своими трясущимися, но сильными руками, однако тот был настолько тяжел, что поднять его еще можно было, но донести до места «пикника» не суще-

ствовало никакой возможности. Тогда стал он катить его по земле, возле него, весело лая, побежала Жучка, так вдвоем и выкатили они на поляну тяжелый ящик. Освещенный золотистыми лучами солнца, он оказался ничем иным, как несгораемым (на манер того,

что стоял в кабинете председателя колхоза «Светлый Путь» Захара Матвеевича Колчина) сейфом.

Инспектор лесного хозяйства почесал свое отвислое ухо и радостно воскликнул. А так как путал он русский и белорусский языки, то вышло у него следующее:

– Мать твою, Жучка! Як не кажи, а примета дело вяликае!

Радостный возглас это был продиктован предчувствием больших денег, лежащих в сейфе. Лесник присел на пенек. Достал из кармана холщевую, где у него хранился забористый самосад, торбочку. Собака понюхала кисет и чихнула.

– А! – сказал на это Грымза. – Даже ты чыхаешь! Потому як славный у Карпа Яковлевича табачок. Душистый табачок и у меру крепкий. Ко мне, Жучка, с дальних дярвень, каб купить стакан маяго самосада, мужики приходят. Да что там с деревень, из города приезжают понимающие толк в табаке люди. Даже секретарь райкома заказывае у меня табачок. И так ён, значит, яго любит, что закрывае ен вочы на мае шалости. Об их... ну о незаконной вырубке леса яму, собака ты моя, сообщают як на вухо, так и в письмах разных. Ён мне сам давау читать. Так мне и сказау – не будь у тебя, Карп Яковлевич, такого чудного табачка, то давно куриу бы ты сухие листья на лесоповале, у колымском лагере. Вось так, а ты, жучка, гаворышь.

Хотя собака ничего не говорила, а преданно смотрела в лицо хозяина.

Лесной сторож, закончив рассказ о табачке, вытащил из кармана газету «Правда» с портретом генерального секретаря.

– Ох, не люблю я, Жучка, за то, что батьку моего раскулачили, а мяне у детдом угнали, секретарей гытых генеральных! Ох, дюже не люблю! Вось ужо я яму сейчас.

К. Я. Грымза оторвал у генсека правое ухо и пол лица. Затем насыпал на мутный секретарский глаз табачку и ловко скрутил сигарку. Несмотря на заскорузлость и трясучесть пальцев, папироски Карп Яковлевич скручивает просто мастерски. Такие они у него выходят ладные, и не толстые, и не тонкие, а в самый раз. Такие, что и курить не хочется, а только любоваться.

Свертев папироску, Карп Яковлевич вытащил из кармана зажигалку.

– Вось бачышь, Жучка, яки я с фронта трофей привез, – Карп Яковлевич щелкнул кремнем. – Зажигалку, мать ее, тогда як другие, вумные люди машинами и телегами барахло трофейное от германцев перли. Там и хрусталь, и ковры, и мебелишка, и бабам барахлишко.

Лесник еще раз чиркнул кремнем и поднес к сигарке огонь. Затянулся и выдохнул облако дыма.

– Чхи-чхи – зачихала собака и отвернула свою милую лисью мордочку.

– Забористый у меня, Жучка, самосадик. Ой, забористый. Ты, мать, привыкай. Моя другая собака, Малышом я яго кликау. Кобелек значит быу. Подох бедняга. Отравили враги! Ой добрый кобелек быу и дюже ён ты понимаешь табачный дымок любиу. Голова у него что-ли кружилася. Ти што? Ну, и ты полюбишь. Дай срок! У мяне такой дымок, Жучка, что дыхнешь, и жить становится легче и веселее!

Раскурив, как следует, сигарку, Карп Яковлевич принялся делить находящиеся в сейфе деньги.

– Перво-наперво хату новую справлю, – принялся он объяснять положившей свою морду на хозяйские ноги Жучке. – А там ужо и сарайчик, курятник поставлю. Свинок двух, да чаго там двух... Усих трех – завяду!

Собака зевнула.

– Мотоцикл ИЖ объегорю, а можа даже и Москвича, мать яго за ногу. А чаго не!? Ухвачу!

Бабе пальто драповое с меховым воротником! Можя тады, мать яе, за вухо не буде мяне больш трасти?! Як думаешь Жучка?

Собака лизнула хозяйскую руку.

– Правильно, Жучка. Сабе так сама боты новые – хромовые, ты я, что у цыган я на базаре бачу. Ты со мной и на базар поедешь. Ох, и добрый у нас на районе базар! Ну, так я и гавару, что ладные сапоги, я там бачу! Сносу таким нема! Я тады было, падступиуся купить, но дюже ох, дюже дорогие... зараза. Опять же, собака ты моя, детям надо троху дать. Дочка у городе новую меблю хоча справить. Сотню можно буде и дать. Тольки надо будить с ёю у краму ехать. Бо ежли яна со своим мужиком паеде так не то, что мебели не купить так яще и в рыло палучить.

Уж на что я люблю выпить, но ейный мужик... Ваще ни у якие ворота! Унуку надо будет на лесaped дать. Хороший пацан. Ну, ты Яго уже бачыла. Ей кожнае лето с городу приезжае и нам с бабой маей подсобляя.

Цигарка уже закончилась и медленно умирала под пеньком, а Карп Яковлевич все еще делил деньги.

Жучка, закрыв глаза, думала:

– Ох, и к хорошему я попала хозяину, деловому, вон он как правильно деньги распределяет, а почему не посидеть, не поделить когда есть что!?

А, судя по размерам, в сейфе том лежит тысяч десять, не менее, а то и всех пятьдесят. При таких деньжищах можно и неделю думать, а мне лежать в теньке дремать и сны приятные смотреть. Лучше жизни и не надо!

Закончив с делением, Карп Яковлевич принялся продумывать варианты, как объяснить покупку дома, Ижа, драпового пальто и лесaped внуку. Работник леса вновь обратился к дремавшей собаке.

– Слышь, Жучка?!

Собака вздрогнула, открыла глаза.

– Можя мне у кого—небудь латарейный билет купить? Ну, як бы я па яму Ижа ти Масквича выиграу? Пальто можно будет троху потоптать ногами и буде як бы ношенное. Вроде як купили, не у краме, а на базаре. Лесapedу можно и новую купить. Але ж новую лесapedу только разабьешь по нашим-то дорогам, а старый... тык хоть и не так жалко...

Вот с хатой буде проблема. Ну, да ничего мы с тобой, Жучка, возьмем мяшок самосада, да и к самому секретарю райкома Василию Петровичу Куче поедем. За сотню-другую, думаю, што сладим. Можя якую прымию мне выпишет. Ну, вроде як я лес от пожару спас али там яки заслуженный лясовод. Як думаешь? – Жучка одобряюще зевнула.

– Вось гэта правильно, ты, Жучка, говоришь, потому як начальству видней.

Наконец все, обдумав, поделив и спрятав концы в воду, лесник подступился к сейфу. Карп Яковлевич ударил замок ногой. Собака толкнула его мордой. Но сейф даже не пошелохнулся. К. Я. Грымза подковырнул дверь топором, и вновь неудача. Тогда работник леса, с поднявшей хвост трубой Жучкой, подкатил ящик к глубокому обрыву и столкнул его вниз. Сейф под громкий собачий лай, цепляя за собой ветки, сучья, комки сухой земли, покотился вниз и сильно ударился об огромный валун.

Оставив собаку наверху, К. Я. Грымза спустился (в надежде, что от удара дверца открылась) вниз, но надежды, как правило, нас грубо обманывают. Обманулся и лесной инспектор. Дверь слегка помялась, но не открылась. Тогда лесник сбросил с плеча свою безотказную двустволку.

Наверху страшно завывла Жучка.

– Тихо ты мне, дура! – Приказал собаке лесник. – Цыц!

Собака замолчала, присела на задние лапы и нервно забила хвостом. Карп Яковлевич загнал патрон в берданочку.

Хотя оружие Карпа Яковлевича, никакого отношения к винтовке системы Бердана не имело, а на деле являлась двуствольным ружьем ТОЗ-БМ производства тульского оружейного завода.

Лесник отсчитал ровно одиннадцать, точно собирался бить пенальти, метров. Вскинул ружье. Прицелился и лупанул по несговорчивому ящику из всех стволов. Ящик аж подскочил под мощью оружейного залпа и квело завалился на бок. Карп Яковлевич, довольный произведенным выстрелом, подошел к ящику. Потянул на себя дверь, и она болезненно заскрипев, раскрылась.

Как – только дверь раскрылась полностью, К. Я. Грымза сразу же сунул в темные внутренности ящика свой сизый от алкоголя нос. Но ни нос, ни глаза, ни даже трясущиеся руки Карпа Яковлевича не обнаружили в ящике поделенные им деньги, а вытащил он из сейфа книгу, да и ту на непонятном леснику языке.

– Твою ж мать! – выругался, спугнув любопытную сороку, лесник. – Два патроны только ни пра что срасходоу! Двух же зайцов мог забить, ти тую ж лису... бабе на воротник. А в гэтым ящике, мать яго, ни хера ни трошки. Что з яе возьмиш с книги – той? Да яшчы и на немчурской мове!? Хоть бы бумага у яе была б добрая, так на самокрутки пустиу бы... яле ж не... желтая, да нейкая вонючая...

Но, как человек хозяйственный, Карп Яковлевич сунул книгу в карман, а ящик припрятал, решив в другой раз приехать за ним на телеге, вещь полезная, в хозяйстве может вполне пригодиться – инструмент слесарный хранить или патроны. Жаль, конечно, что попортил замок. Так руки у Карпа Яковлевича хоть и трясутся от самогона, но все одно, как выражается лесник, не под хер заточены.

Он вылез из оврага, и к нему, весело виляя хвостом, подбежала Жучка.

– Не обломилася нам сёня, Жучка, – собака виновато опустила глаза. – Ну, тады пойдём до дому до хаты.

К. Я. Грымза бубня себе под нос (непонятные собаке) проклятия в адрес ящика, отправился домой. Рядом с ним, принюхиваясь к звериным следам, бежала Жучка.

– Нет, как ни крути хвостом, – думала собака, – а хозяин у меня, что надо! Войдя в деревню, Грымза напрямик направился в сельскую библиотеку.

– Место. – Приказал он Жучке, собака покорно опустилась на задние лапы, а Карп Яковлевич стал подниматься по ступеням к двери.

– Здорово, Борис Львович. – Приветствовал он молодого, недавно пригнанного из города библиотекаря Б. Л. Шульмана. – Гляди, чаго я найшоу. Можя купишь за пузырь?

Библиотекарь нацепил на свой хищный нос очки, и устремил умные пытливые глаза в мясо, как он любил выражаться, текста.

От Карпа Яковлевича, надо бы это пометить, не ускользал ни зверь, ни (когда это бывает ему нужно) браконьер, но восхищенный блеск, что сверкнул в глазах библиотекаря, он пропустил. Ой, пропустил! Впрочем, может лесник, того-этого попросту не придавал ему значения? Мало ли как они «зыркают ентые интилихенты»

Вот кабы то был свой брат лесник, то Карп Яковлевич тотчас же смекител бы неладное.

Библиотекарь снял очки и поинтересовался:

– Пузырь водки или вина?

– Кабы гэтая книга была на нашей мове написаная, то слупил бы я с тябе, Львович, на водку, а за немчурскую попрошу только на бутельку красненькой.

– Держи. – Борис Львович вытащил из портмоне пять рублей и протянул их леснику.

– Да, то ж много, Львович, – отводя (но это был только красивый жест, ибо лесник знал, что в любом случае заберет всю пятерку) руку библиотекаря, сказал К. Я. Грымза.

– Ну, как без закуски—то пить! А, Карп Яковлевич? – Библиотекарь сунул пятерку в карман лесника. – Без закуси – не возможно!

К. Я. Грымза старорежимно поклонился библиотекарю в пояс, вышел на улицу и позвал собаку. Жучка поднялась с пыльной дороги, и весело виляя хвостом, точно чувствуя хозяйскую удачу, побежала за Карпом Яковлевичем.

Примета не обманула К. Я. Грымзу к вечеру он был уже, что называется, жахом-мажахом. За что вновь был бит своей супругой, но когда Вера Семеновна тягала супруга за ухо, то ему уже было решительно не больно. Он находился в таком состоянии, что хоть на дыбе его пытай. Он бы и глазом не повел. Потому как открыть их не имел никакой физической возможности. Пьян Карп Яковлевич был смертельно!

Всю ночь (становясь на задние лапы) Жучка заглядывала в окно хаты, интересуясь, жив ли хозяин. Судя по здоровому храпу – лесник был жив. Через неделю Борис Львович продал за две тысячи рублей «Винилину Книгу» страстному коллекционеру (бывшему своему преподавателю научного атеизма) эзотерической литературы Татьяне Алексеевне Вышнепольской.

Картина вторая

Весенним слякотным утром студент выпускного курса Григорий Яблонский вошел в приемную ректора и поинтересовался:

– Могу ли я поговорить с Дмитрием Алексеевичем?

– Сейчас узнаем.

Миловидная дамочка подняла телефонную трубку.

– Дмитрий Алексеевич, с вами хочет поговорить студент Яблонский... что? да, да...

Хорошо.

Наталья Сергеевна, как звали секретаршу, наманикюренным пальчиком нажала на черные телефонные попурышечки и сказала, указав на дверь:

– Проходите.

Яблонский вошел. После безликих институтских коридоров, кафедр и лабораторий кабинет ректора представлялся оазисом интеллектуализма: массивный письменный стол, кожаное кресло, полированный стол, для приглашенных лиц, деловые стулья. Два огромных окна, задернутые легким тюлем. Великолепные книжные стеллажи с томами классиков научного коммунизма. Цветной телевизор на кокетливой тумбочке.

– Добрый день, Дмитрий Алексеевич.

– Добрый. Добрый. – Ответил, не отрываясь от бумаг дипломированный (похотливый взгляд, жгучие черные усы, густые привлекательные брови, набриолиненные волосы, длинный многообещающий нос) мачо Дмитрий Алексеевич Раевский. – Чем порадуете, огорчите старика, Григорий?

Яблонский решил не темнить и не ходить вокруг да около, а честно изложить цель своего визита:

– Дмитрий Алексеевич, я сугубо по личному вопросу...

Видите – ли, после окончания института я бы хотел остаться в столице. Ректор недоуменно взглянул на Яблонского.

– С каких таких коврижек, мой дорогой друг?

– Я отличник. Стипендиат. Участник институтской команды КВН. Призер студенческой олимпиады. Предприятие, на котором я проходил практику, готово принять меня на должность.

Ректор аккуратно сложил бумаги. Вложил их в папку. Завязал тесемочки. Забросил папку в стол и сказал:

– Ну что ж стипендиат, лауреат – это все прекрасно, если бы не одно но!

Насколько я помню, вы поступили в наш институт по направлению Гороно вашего города, и, стало быть, должны туда вернуться. И это, надо сказать, чудесный вариант.

Старинный красивый, плюс родной город, что еще может быть лучше?

– Я не люблю город, в котором родился. Это ошибка судьбы и я хочу ее исправить! Ректор весело рассмеялся.

– Милый мой! Это как-то уж очень по-мальчишески. Не люблю! Ошибка судьбы! Как-то даже, право, от вас не ожидал. Я, знаете – ли, тоже с удовольствием поменял бы это кабинетное кресло на шезлонг... на собственной вилле... у берегов лазурного океана.

Но, увы, вынужден сидеть здесь и слушать ваши причитания.

Хозяин кабинета поправил гармонирующий с серой финской тройкой галстук и, поигрывая каблуком итальянского ботинка, продолжил:

– Вы, очевидно, полагаете, что только вас обманула природа, выбрав вам в качестве родного города – Тмутаракань? О, нет, мой друг, таких как вы, у меня в кабинете только за этот месяц уже побывала сотня человек.

– Значит, помочь мне нельзя?

– К моему великому, сожалению, увы, и ах. Кроме этого, Григорий, вы же комсомолец и насколько я помню, подали заявление о принятии вас в партию?

– Да.

– Так вот как будущий партиец вы должны быть на острие событий, а вы просите у меня снисхождения и легкой жизни в столице...

Понимаю, понимаю. – Остановил ректор пытающего что-то возразить студента. – И в столице жизнь не сахар. И здесь нужно, если еще не больше, чем в провинции, бодаться за место под солнцем...

Кроме того, дорогой мой, ведь в вашем городе вас ждет мать и, очевидно, любимая девушка.

– Нет у меня там девушки.

– Хорошо, девушки нет. Но ведь мать-то есть? Есть! И она ждет, надеется. Вот придет сын, думает она, станет мне подмогой. Женится, осчастливит меня внучатами. Вы же ей такой сюрприз. Променил столицу на мать! Как-то, знаете ли, кощунственно! А ведь она, судя по вашему джинсовому костюму и импортным башмакам, вам помогает. Вы, что же, дорогой мой, кроме своего родного города, не любите и собственную мать?

В кабинете повисла пауза.

– Ну, что ж вы молчите? Неужели не любите? – прогнал затянувшийся интервал трагическим вскриком ректор. – Вот так так так...

– Дмитрий Алексеевич, через пару лет, я ведь мог бы забрать мать к себе. А внуки? Я думаю, что она будет даже рада, если ее внуки родятся в столице. Как вы думаете?

Руководитель ВУЗА грустно улыбнулся и ответил:

– Думаю, что вы правы, но поверьте, Григорий, притом, что вы мне зверски симпатичны, вынужден повториться, увы и ах, я ничем не могу вам помочь. Категорически ничем. Рад бы. Ей Богу рад, но это катастрофически не в моих силах.

Ректор вышел из-за стола и, дружески обняв Григория за плечи, довел его до двери.

– Ничего, мой дорогой, все образуется. Вы еще и радоваться будете! А там глядишь, еще так сказать, соколом взлетите к небесам, и оттуда рухнете на мое место, а что – очень даже может быть. Но сегодня прошу великодушно меня извинить, не в моих силах, помочь вам. Прощайте...

Дверь закрылась.

Картина третья

После разговора с ректором Григорий решился на крайний шаг. Никуда не ехать, а остаться в столице. На первое время можно было устроиться дворником, кочегаром, а там Бог не выдаст, свинья не съест. Партия? Да он в нее и вступить-то хотел только ради столичного распределения, а раз его нет, так на какой хрен сдалась эта партия!

Однако не прошло и двух недель, как Григорий Яблонский вновь оказался в ректорском кабинете. Но уже не в роли просителя.

– А вот и снова вы! – Дружески улыбнулся ректор и барственным жестом указал на стул.

– Прошу вас, Григорий. Садитесь. Вот сюда.

Яблонский присел на стул, что стоял рядом с ректорским столом. В нем обычно сидел зам. ректора по учебной работе. Дмитрий Алексеевич какое-то время, явно выжидая нужного момента для начала разговора, копался в бумагах. Затем встал и направился к книжным стеллажам. Открыл махонькую (почти незаметную) дверцу и достал из нее коньяк, шоколад, фрукты и элегантные (тонкого стекла) рюмки.

– Это поможет нашему разговору. – Ответил на немой вопрос Григория ректор. – Прошу.

Дмитрий Алексеевич протянул наполненную светло—золотистой жидкостью рюмку. Григорий выпил.

– А теперь закусывайте, – Дмитрий Алексеевич подвинул студенту тарелку с тонко нарезанными ананасами. – И внимательно слушайте. Разговор меж нами будет серьезный очень, я подчеркиваю, очень конфиденциально-личным.

То есть дальше этого кабинета он выйти не должен. Хотя, как говорят, если тайну знают двое, то её знает и свинья. Но хочу вас предупредить, милейший, если вдруг свинья узнает суть нашего разговора, то не я, снова подчеркиваю, не я, а вы окажетесь рядом с ней. То есть ваша жизнь превратится в свинячье, если так можно сказать, прозябание. Подумайте?

Дмитрий Алексеевич замолчал. Взял в руки бутылку и наполнил рюмки.

– Ну, так как вы готовы меня выслушать?

– Готов. – Очищая апельсин, согласился Григорий.

– Вы, кажется, хотели остаться в столице? – Начал с вопроса Дмитрий Алексеевич.

– Хотел бы, но не могу. – Жуя цитрус, и оттого проглатывая буквы, ответил Григорий. – Направление Горono. Любимая мать. Ее будущие внуки не позволяют мне это сделать. Ведь так?

Яблонский явно (уже догадавшись, что руководитель института что-то от него нужно) насмехался над собеседником. Дмитрий Алексеевич, проглотив (за которую в другое время круто экзекуцировал бы Яблонского) ироническую пилюлю, и спокойно ответил:

– Да ситуация, конечно, архисложная, но как говорится – нет нерешаемых проблем, есть неправильные решения!

Хозяин кабинета поднял рюмку, выпил и аппетитно сжевал протянутую Григорием апельсиновую дольку.

– Как я понимаю, – вытирая руки салфеткой, сказал Григорий, – выполнив ваше дело, я останусь в столице?

– Совершенно точно, мой дорогой.

– Но может быть я не смогу его выполнить?

– Сможете. Это такой пустяк, что даже смешно говорить!

– Ну, если пустяк, то я готов выслушать.

– Раз готовы, то тогда я незамедлительно посвящаю вас в пучину моего, точнее нашего с вами дела.

Дмитрий Алексеевич положил возле Яблонского фотографии дамы, о которых их недоброжелатели говорят «старая мымра».

– Кто это?

– Это Татьяна Алексеевна Вышнепольская. Университетский преподаватель научного атеизма.

Сказал ректор.

В кабинете повисла тревожная пауза.

Григорий вспомнил отрывок из детективного романа и, спугнув паузу, залепетал:

– Я. Я, что должен ее... ее... того... убить?

Руководитель учреждения весело и необычайно громко рассмеялся:

– Да нет, никого убивать не нужно. Бог с вами, успокойтесь.

– А что же тогда?

– Я объясню. Видите – ли, я страстный коллекционер эзотерической литературы: Баркер, Папюс, Безант, Альфонс Луи Констант, Блаватская, Гурджиев, Данил Андреев. Слышали такие имена?

– Краем уха слышал только о Блаватской и Гурджиеве.

– Ну, что ж и этого уже достаточно. Так вот, у Татьяны Алексеевны есть интересующая меня книга, которая называется «Винилиной Книгой» В нашей среде ее еще именуют «Манускриптом Магдалены». Так вот – ни продать, ни поменять, ни подарить этот манускрипт эта, с позволения сказать, особа мне, как я ее ни упрасивал и что только ни сулил, не хочет. Но если гора не идет к Мухаммеду? Правильно. Мухаммед идет к горе! И я хочу, чтобы этим Мухаммедом стали вы... Да вы, мой дорогой друг Григорий. Именно вы!

Дмитрий Алексеевич по-отцовски потрепал студента за щеку и продолжил:

– Вы должны проникнуть в квартиру Татьяны Алексеевны. Забрать нужную книгу и принести ее мне.

– Я в чужую квартиру! – Изумился Яблонский. – Как же я туда попаду? Я что должен ее взломать, проникнуть через форточку...

– Вижу, мой друг, – разламывая шоколадную плитку, сказал ректор, – начитались вы в детстве «Записок следователя» небезызвестного Шейнина. Но хочу вас успокоить, проникать в форточку и ломать фомкой дверь решительно не нужно. Мы же с вами интеллигентные люди! И посему мы пойдем другим путем. И путь этот весьма прост, мой друг. Вы должны познакомиться с дочкой Татьяны Алексеевны и...

– Зачем?

– Объясняю. Затем, чтобы с ее помощью попасть в квартиру.

– То есть?

– А то и есть. Вы познакомитесь с дочерью Татьяны Алексеевны...

– Но как же я с ней познакомлюсь?

– Вы, мой друг, а) не перебивайте старших, б) существует масса способов, как познакомиться с девушкой. Можно ошибиться телефонным номером, наступить ей в метро на ногу, выступить в роли разносчика телеграмм, попросить алкаша за бутылку напасть на девушку и героически ее отбить.

– Допустим, – согласился Яблонский, – но я даже не знаю, как она выглядит!?

– Это пробел мы немедленно устраним.

Дмитрий Алексеевич открыл ящик письменного стола и достал фотографию:

– Вот она. Зовут ее Катя.

Яблонский взглянул на фото и поморщился.

– Да, не Мерлин Монро. Не Грета Гарбо:)))) Катя, но что делать!? Ради столицы можно и приударить недельку другую за дурнушкой. Вам же с ее лица воду не пить. Короче познакомьтесь, вскружите ей ее голову, а такому красавцу как вы, это сделать даже проще, чем съесть шоколадную дольку. Кстати, держите. – Дмитрий Алексеевич протянул студенту шоколадный квадратик. – Через недельку-другую, но, не называя себя

настоящим именем и не вводя ее в детали вашей биографии, осторожно напроситесь к ней на чашечку кофе и заберете, она находится в книжном шкафу, что расположен в гостиной их квартиры, на первой полке во втором ряду четвертая с края, интересующую меня книжицу. Согласитесь, все гениально просто и главное никакого криминала.

Яблонский забросил в рот шоколадный квадратик, разжевал, проглотил сладкую шоколадную кашицу и сказал:

– Хорошо, допустим, я возьму эту книгу, но хозяева увидят образовавшееся пустое место, поднимут крик, начнутся поиски...

– Ну, начнутся и дальше что?

Яблонский неопределенно пожала плечами.

– Вот именно. – Ректор уморительно повторил жест. – Хватать кого? Некого, если вы, разумеется, не назовете свое имя, фамилию, дату рождения и размер ваших сапог, но я полагаю, вы этого не сделаете? Нет – правильно! Ну, а в образовавшееся пустое место, вы поставите вот эту штуковину. – Дмитрий Алексеевич открыл дверцу своего стола и положил рядом с Яблонским обтянутый пожелтевшей кожей, похожий чем-то на толстую общую тетрадь, книгу. – Вот так, мой милый, Дмитрий Алексеевич всегда думает на два шага вперед.

– Хорошо. – Барабанил пальцами по желтой старой коже, сказал Яблонский. – И что мне ее всегда тягать с собой?

– Не нужно ее куда-то тягать. Взять ее с собой нужно только тогда, когда для этого будет создан благоприятный момент. Понятно?

– Понятно. – Кивнул головой Григорий. – Я могу сейчас эту книгу взять с собой?

– Разумеется.

Яблонский положил манускрипт в папку, задернул молнию и, приподнимаясь со стула, сказал:

– Дмитрий Алексеевич, я ничего не обещаю, но постараюсь выполнить вашу просьбу.

– Я вам дам постараюсь! – возмутился ректор. – Вы должны это сделать. Слышите, должны! От этого можно сказать, зависит моя и ваша судьба.

– Судьба? – Удивленно, переспросил, вновь садясь на стул, Яблонский. – Ну, моя понятно, но ваша. Разве книга может играть роль в судьбе человека?

Ректор подумал и сказал таинственным с придыханием голосом:

– Эта книга, дорогой мой, может! Она многое может. Она может практически все! Ректор налил Яблонскому еще одну рюмку:

– А вы?

– Нет, – отрицательно качнул головой ректор, – у меня еще совещание в Обкоме. А вы пейте, пейте, пейте и как говорят в народе – дело разумеете.

Яблонский опрокинул рюмку, коньяк обжог горло, скользнул по кишечнику, полоснул по желудку и приятной волной ударил в голову, придав голосу шутовскую ноту:

– Дмитрий Алексеевич, а не отдаете ли вы свою судьбу в мои руки?

– Как это?

Студент бегло обрисовал возможный вариант.

– ... мы влюбимся вдруг в друга, поженимся, и я получу столичную прописку вместе с судьбоносной для вас книгой?

Дмитрий Алексеевич нахмурился. Брови его возмущенно вздыбились. Ноздри угрожающе расширились.

– Тогда я вам кое-что расскажу...

Картина четвертая

В покои к его преосвященству Жан—Марку Деплюси вошел человек. Капюшон длинного плаща скрывал его лицо, но это не помешало его преосвященству узнать начальника инквизиционной тюрьмы Патрика Лемезье

– Что случилось, Патрик? – встав из-за стола, спросил Жан—Марк Деплюси. Глухим потусторонним начальник тюрьмы ответил:

– Ваше Преосвященство, осужденная на костер ведьма из Верданье просит о встрече с вами.

– Что ей от меня нужно? – подойдя к книжному шкафу и вынимая из него книгу, поинтересовался Его Преосвященство. – Насколько я помню, она отказалась от покаяния.

– Вы правы, Ваше Преосвященство – отказалась.

– Так что ж ей нужно?

– Не знаю, Ваше Преосвященство. Она утверждает, что это очень важно лично для вас.

– Они все так утверждают – порождения ехидны, перед лицом смерти.

– Так мне ее привести?

Его Преосвященство открыл книгу на нужной ему странице. Пробежался быстрым взглядом по странице. Закрыл ее и сказал:

– Хорошо, приведи.

– Слушаюсь.

Начальник тюрьмы, пятясь как рак, вышел из покоев.

Его Преосвященство вернулся к столу и взял в руки дело.

«Все тот же набор преступлений, – усмехнулся Его Преосвященство. – Хоть бы что-нибудь новенькое. Надо бы предложить Святейшему отцу открыть при Ватикане школу сочинителей, а то ведь потомки будут смеяться над нашими убогими и стереотипными обвинениями. Нужна новая струя. Хотя за подобное предложение с меня живого могут содрать кожу и поджарить на медленном огне. Но делать что-то ведь нужно...»

Мысли его преосвященства прервал вновь появившийся в покоях начальник тюрьмы.

– Слушаю тебя, Патрик.

– Я привел ее, Ваше Преосвященство. Прикажете ввести ее в ваш кабинет?

– Да, разумеется.

Патрик приоткрыл дверь и приказал:

– Входи.

В кабинет вошла одетая в лохмотья, с синяками и шрамами на некогда красивом лице молодая женщина.

В душе Его Преосвященство шевельнулось атрофированное за много лет работы с отступниками, еретиками и ведьмами чувство сострадания.

– Патрик, дай ей стул – приказал Его Преосвященство. Женщина тяжело опустилась:

– Благодарю вас – тихим голосом сказала женщина.

Его Преосвященство кивнул головой и чуть улыбнулся. Он налил в бокал вина, привезенного ему из монастыря, протянул его ведьме:

– Как тебя зовут?

– Магдалена.

– Магдалена, – Его Преосвященство с удовольствием покатавал во рту лидирующие консонанты М—Г-Д женского имени. – Как грешницу, спасенную Господом нашим Иисусом Хри-

стом. Только та Магдалена покаялась в грехах своих и стала на путь благодеяний, а ты нет. Почему ты не покаялась?

– Мне не в чем каяться, Ваше Преосвященство.

– Вот как – Жан—Марк подошел к столу, вытащил оттуда дело и, постучав по нему пухлыми пальцами, поинтересовался:

– А это что? Тут и колдовство, и гаданье, и порча домашнего скота, покушение на миропорядок и демонизм, и шабаши, и половое сношения с дьяволом...

Женщина, грустно покачав головой, ответила:

– Ваше Преосвященство, если бы вас подвергли таким пыткам, каким подвергали меня, то чтобы избавиться от невыносимой боли, вы бы заявили, что являетесь не только служителем дьявола, а им лично.

– Никто тебя не пытал – вступил в разговор начальник тюрьмы. – К тебе были применены дозволенные его святейшеством меры дознания.

– Хороши меры – женщина подняла юбку. Его святейшество увидел обезображенную испанским сапожком ногу.

– Не смущай взор его преосвященства своими прелестями... Блудница! – Патрик одернул юбку.

– Хороши прелести – усмехнулась женщина. – Хотя когда-то они были. И тот, кто их добивался, не получил и написал на меня донос. Не добившись моего расположения, он оклеветал меня, Ваше Преосвященство.

– Женщина рухнула на колени – помогите мне, умоляю!

– Ты только за этим и пришла? – Поинтересовался Жан—Марк. – Тогда мне не о чем с тобой разговаривать! Не я решаю твою судьбу, а суд. Суд же вынес вердикт – виновна. Оспорить решение суда я, если бы даже и хотел, не могу! Уведи ее, Патрик. Прощай, женщина, и да простит тебя господь наш Иисус Христос.

Патрик схватил Магдалену за шиворот и потянул к двери.

– Нет, погодите, Ваше Преосвященство, я хочу вам еще что-то сказать. Выслушайте меня. Дайте мне всего несколько минут?

– Патрик, оставь ее.

Начальник тюрьмы отпустил женщину.

– Говори, – Его Преосвященство указал Магдалене на стул.

– Пусть он выйдет – попросила женщина. – Это личный разговор.

– Подожди за дверью, Патрик – приказал Жан—Марк.

– Но это не положено, Ваше Преосвященство.

– Ничего, сделаем исключение.

– Но я хотя бы свяжу ей руки. Вы даже не можете себе представить, на что способны эти порождения ехидны.

– Почему же не могу. Я еще пока не лишен чувства воображения, – улыбнулся, вспомнив о школе для сочинителей судебных историй, Его Преосвященство. – Но с Божьей помощью я справлюсь с этой ядовитой змеей, да и ты стой за дверью.

Патрик вышел из кабинета. Его Преосвященство налил в бокал вина и протянул ее Магдалене:

– Пей и рассказывай, только быстро – у меня вот-вот должно начаться заседание комиссии.

Женщина выпила, вытерла рукавом губы и стала быстро рассказывать.

– Ваше Преосвященство, у меня есть Винилины книги.

– Кто такая эта Винила и что это за книга? – спросил Его Преосвященство.

– Винила – это прорицательница...

– Ага, значит ведьма. Хорошо, продолжай.

– Легенда гласит, – продолжила свой рассказа Магдалена, – что Винилины книги попали в Аргонею пять веков назад...

– Что такое Аргонья?

– Аргонья, Ваше Преосвященство, это огромный материк, что ушел под воду пять тысяч лет тому назад.

– Если он ушел под воду, – усмехнулся Его Преосвященство, – то как же уцелели книги?

– Книги не тонут, Ваше Преосвященство – спокойно ответила Магдалена.

– Допустим, – согласился Жан—Марк. – Но ты сказала книги, а мне сказала, что у тебя есть одна книга, а где остальные?

– Да вы не перебивайте меня, Ваше Преосвященство, а слушайте.

– Хорошо, продолжай, – согласился Его Преосвященство.

– Так вот, эти книги Винила предложила купить за неслыханную цену Аргонейскому царю. Государь посчитал, что девять сомнительных свитков того не стоят.

– Никто, будучи в здравом уме, – ответил он на предложение, – не станет этого делать, женщина.

Винила как только услышала отказ царя, тут же сожгла три свитка и предложила ему оставшиеся шесть за первоначальную цену.

– Да ты с ума сошла! – воскликнул государь.

Тогда женщина сожгла еще три книги и снова повторила свое предложение.

– Да я прикажу тебя за это бросить к голодным львам!

– А разве в твоей этой Аргонее водились львы?

– Разумеется.

– Врешь, колдунья! – Жан—Марк сильно хватил кулаком по столу. – Львы и прочие хищники были сотворены Создателем на Земле, а не на какой-то там дьявольской Аргонее.

– Ваше Преосвященство, мы говорим с вами сейчас не о сотворении Земли, а о Винилиной книге – вернула разговор в русло темы Магдалена. – Если хотите, то позже мы могли обсудить и вопросы мироздания.

– Упаси меня Господи от подобных дискуссий с ведьмой – Его Преосвященство быстро перекрестился, поцеловал свои пальцы и продолжил: – Продолжай лучше говорить о книге.

– Так вот, – продолжила Магдалена, – Винила только усмехнулась в ответ на царскую угрозу. Взяла, да и сожгла еще две, и тут же попросила за оставшуюся книгу еще большую цену!

Наконец государь понял, что рукописи эти непростые, и купил уцелевшую книгу, после чего Винила исчезла. Эта книга сейчас хранится у меня – закончила свой рассказ Магдалена.

Его Преосвященство встал. Походил, разминая затекшие ноги, по кабинету. Вновь сел за стол и спросил:

– Почему же ее не нашли во время обыска... твою эту книгу?

– Потому что она спрятана в потайном месте. Если вы отпустите меня, я укажу вам место, где она хранится. С помощью этой книги вы можете изменить свою судьбу. Вы можете стать, например, святейшим папой, управлять миром...

– Почему же ты не купаешься в богатстве, а сидишь в тюрьме? – усмехнулся Жан-Марк. – Почему не управляешь миром, а вскоре сгоришь на костре?

– Потому что посвященный, а я таковой являюсь, не может воспользоваться знаниями и силой в ней содержащейся.

– Ага, так ты у нас посвященная!

– Да.

– Ну, вот – криво улыбнулся Его Преосвященство, – а говоришь, что осуждена напрасно. Нет, дочь моя, наш суд никогда не осудит невиновного человека.

– Ваше Преосвященство, за достойную сумму денег наш суд осудит, кого угодно... вам ли этого не знать...

– Молчи! Порождение ехидны! – Его Преосвященство стукнул кулаком по столу. – А лучше говори, что в этой книге?

– Я осуждена, – продолжала, не взирая на окрик, Магдалена, – Ваше Преосвященство, не по этому делу, а по наговору его сия...

– Прекрати болтать, грешница, а то я прикажу вырвать тебе язык! Его сиятельство не стал бы порочить безвинную душу. Сама сказала только что, что ты посвященная. Стало быть, ведьма. Где твоя книга, колдунья!? Укажи ее местонахождение. Я с ней ознакомлюсь, и если она действительно может то, о чем ты только что рассказала, то я помогу тебе вновь обрести свободу.

– Я укажу место, вы заберете книгу, а меня сожгут на костре.

– Даю тебе слово, – пообещал Его Преосвященство. – Если книга действительно стоящая, то я тебя освобожу.

– Вы не обманете меня?

– Я же сказал, что нет.

– Поклянитесь.

– Может быть, мне еще стать на колени перед ведьмой? – возмутился Его Преосвященство.

– Я не ведьма!

– Говори, где твоя книга?

Магдалена, приложив к губам палец левой руки, указательным пальцем правой подозвала к себе Его Преосвященство.

– Нас могут подслушать – тихим голосом объяснила она Жан—Марку.

– Говори – подставляя свое ухо к женским губам, приказал Его Преосвященство.

На следующий день Магдалену в клетке для диких зверей привезли на площадь. Там уже бесновалась празднично одетая по поводу сожжения ведьмы толпа. Тюремщики вытащили обреченную из клетки и передали палачу. Рядом с ней поставили клетку, в которой сидела черная кошка. Палач вывернул руки осужденной и потащил к ее обложенному соломой постаменту.

– Стой смирно, – Возведя ее на эшафот и прислонив к столбу, приказал палач, – Стой смирно, если не хочешь долго жариться на огне.

Палач поднял валявшуюся на эшафоте веревку и крепко, так что невозможно было вздохнуть, привязал ее к столбу.

– Он меня не обманет. Он же обещал, – бормотала женщина. – Ведь он дал слово.

– Грош цена слову сатаны, – затягивая последний узел, сказал палач. – Он всех обманывает.

В это время к эшафоту подошел Его Преосвященство.

– Вот твоя книга, ведьма. – Сказал Его Преосвященство и поднял над головой обтянутый телячий кожей манускрипт. – Я положу рядом с тобой, чтобы лучше горел костер.

– Но это не моя книга! Люди, он обманул меня! Он взял мою книгу, а в костер кладет, пустую бумагу. Ваше Преосвященство, вы украли мою книгу. Вы обманули меня. Как вам не совестно? Вы будете гореть за это в адском огне.

– Закрой ей рот, – приказал Жан—Марк.

– Не сжигайте хотя бы кошку, – жалостливым голосом попросила Магдалена. – В чем повинно перед вами бедное животное?

– Молчи, сатанинское отродье, – истязатель сильно ударил Магдалену по лицу. Голова ее безвольно упала на грудь.

– Поджигай, – приказал Его Преосвященство, и быстро перекрестившись, пошел к трибуне для официальных лиц.

Палач поднес факел к соломе. Она вспыхнула синеватым пламенем и тотчас же яркие жаркие языки пламени коснулись ног Магдалены.

Женщина очнулась, подняла голову и, взглянув к уже усевшемуся на свое место преосвященству в глаза, крикнула:

- Будьте вы прокляты! – крикнула Магдалена в пасмурное осеннее небо и добавила,
- и те, в чьи руки попадет эта книга!
- Гори! Гори, ведьма! Гори! – Радостно заорал собравшийся на площади народ. – Гори! В костер полетела клетка с кошкой.

И тут произошло невероятное. Ведьма вместо того, чтобы гореть, стала растворяться в воздухе, за ней веселой трусцой побежала черная кошка, а вместо них на костре загорелось Бог весть откуда взявшееся соломенное чучело. В шуме пламени слышался демонический смех.

– Ведьма колдует! Ведьма колдует! – Народ бросился бежать с площади. За ними бросились официальные лица.

Палач, видевший за свою карьеру и не такое, остался возле костра и поддерживал пламя до тех пор, пока на его месте не осталась только груда синеватого пепла. Истязатель собрал его в мешок и высыпал пепел в специально вырытую для этого

яму.

– Отче наш...

Прочел он молитву и забросал яму землей.

– Вы не боитесь быть проклятым, мой друг? – Закончив рассказ, спросил ректор у Яблонского. – Не боитесь, так сказать, кары небесной!?

– А вы, Дмитрий Алексеевич? – Вопросом ответил Яблонский.

– Я, мой милый, прожил на свете столько, что уже ничего не боюсь, а вам жить еще да жить. Так что подумайте?

– Да шучу я, шучу, – поспешил успокоить ректора Яблонский. – Подтруниваю. Не нужна мне ваша книга, я хочу остаться в столице.

Дмитрий Алексеевич пробарабанил по столу своими аристократическими пальцами ритмический рисунок и сказал:

– Я пригласил вас сюда, мой друг, не в КВН играть! Не сценарий для институтского капустника писать, а по серьезному делу. Поэтому шутки в сторону.

Ректор замолчал и принялся чиркать шариковой ручкой пометки на полях лежавшего перед ним документа. Закончив, он продолжил:

– Дело ваше. Вы можете в нее влюбиться, жениться, нарожать с ней кучу прелестных дитятей, но книга в кратчайшие сроки должна лежать вот на этом, – Дмитрий Алексеевич ударил кулаком по полированной поверхности, – столе. В противном случае,

я вас в порошок сотру. Зарубите себе это, мой друг, на вашем греко—римском носу. Ну, а если все пройдет гладко, то вы получите свободное распределение. И оставайтесь себе Бога ради в столице. Я только буду этому рад. Ну, собственно и все! На этом будем считать разговор законченным.

Ректор протянул студенту руку. Яблонский пожал крепкую сухую ладонь и направился к выходу.

– Да, вот еще что, – остановил Яблонского хозяин кабинета и, протянув ему коричневую сторублевую купюру, сказал:

– Это вам на любовные расходы: кино, вино и прочие деликатесы.

Картина пятая

Со дня знакомства Яблонского с Катей прошел месяц, звонко-синий апрель. С необычайно яростной грозы начался май.

Свежим, вымытым ночным ливнем, утром Григорий шел с папкой подмышкой и напевая придуманную им только что чепушенцию, вроде «...я молод, красив, здоров и счастлив чрез это безмерно» по институтскому коридору.

– О, на ловца и зверь бежит! – раздался ликующий возглас декановской секретарши:

– Это кто же у нас зверь? – приветливо улыбнулся секретарше Григорий. – Не я ли?

– Именно ты. Заходи. Заходи. Звереныш...

– В капкан. В капкан. – смеясь, поинтересовался Григорий. – На закляние!

– Какое закляние! Такого красавца как ты только на осеменение!

– И в какие такие загоны?

– В ректорский кабинет! Только что звонила ректорская секретарша Наталья Сергеевна и в ультимативной форме потребовала тебя!

– Зачем же я ей понадобился?

– Не ей, а ректору.

– Ну, это меняет дело, по какому вопросу вызывает?

– Не сказала.

– И когда нужно зайти?

– Немедленно!

– Значит, я пошел. Пожелайте мне удачи!

– Я желаю всей душой, – неожиданно запела секретарша, – если смерти – то мгновенной, если раны – небольшой.

– Выбираю рану – засмеялся Григорий. – И иду!

– Не иду, а бегу.

– А что так?

– Говорят, зол как дьявол!

– Ну, тогда действительно нужно бежать. Бегу. Лечу. Чу-чу-чу.

Яблонский выбежал из кабинета и сменил чу-чу, на сочиненную утром песенку «Я молод, красив, здоров и счастлив... ха-ха, я счастлив», направился в кабинет Дмитрия Алексеевича.

И от этой песни институтские стены и огромные выходящие на весенний парк окна блистали счастьем. Даже обычно мрачные портреты научных мертвецов, что висели на институтских стенах, сегодня излучали если не счастье, то спокойствие, а это уже полшага от счастья!

– Я молод, здоров и...

– Рано пташечка запела, как бы кошечка не съела. – споткнулось счастье Яблонского о слова, встретившегося у него на пути проректора по учебной работе. В институте за внешний вид (высокий, худой, бледный и фамилию Трансильванов) все называли его Дракулой.

– Да я сам, Константин Павлович, – ответил, улыбаясь, на предупреждение Григорий,

– кого хочешь съем.

– Ну-ну... смотри не поперхнись!

И проректор скрылся в своем кабинете.

– Хотел сломать мне кайф счастливого человека? Да, только ничего у тебя, у упыря, не получилось. Я молод, красив и счастлив чрез это безмерно!

И в подтверждение этого Яблонский перепрыгнул несколько ступеней и вихрем ворвался в приемную ректора.

– Что это вы точно на пожар? – испуганно поинтересовалась Наталья Сергеевна. – Спокойней разве нельзя?

– Но ведь мне сказали, чтобы я не шел, а бежал. Вот я и бегу!

– Бежать, но не настолько же дословно...

– У себя?

– Да.

– А чего вызывает?

– Я не в курсе.

– Говорят, зол как сама преисподняя?

– Есть немножко. У него через час совещание в Обкоме.

– Ну, за час он меня не съест.

Секретарша скользнула взглядом по Яблонскому и сказала:

– Такого как вы и за день не съешь.

– А что, таких как я здесь уже ели?

– Это мы потом обсудим, а сейчас проходите – иначе он меня за то, что я вас задерживаю, без соли слопаёт!

– Ну, что вы, Наталья Дмитриевна, я этого не допущу. Григорий отворил дверь и вкрадчиво поинтересовался:

– Можно, Дмитрий Алексеевич?

– А, это вы, – буркнул не вписывающийся своей хмуростью в счастливый день ректор.

– Что значит – это вы?

– Ничего это не значит. Вы давайте проходите, нечего в дверях торчать. Проходите и садитесь.

Яблонский вошел, небрежно бросил папку на стол и ногой подтянул к себе стул.

– Что это за фамильярности, молодой человек. Вы, между прочим, не в гостях у своего собутыльника, а в ректорском кабинете. Извольте соответствовать...

«И этот гад, – подумал Яблонский, – хочет мне кайф обломать. Ну, я тебе сейчас за это устрою»

– Простите. – Яблонский взял папку в руки и, придвинув стул на место, вытянулся во фронт и отчеканил – Вызывали, товарищ ректор?

– Вызывал – глухо ответил Дмитрий Алексеевич. – Вызывал!

– Я вас слушаю, товарищ ректор.

– Хватит паясничать. Товарищ. Товарищ! – блистательно передразнил его ректор. – Я вам не товарищ. Я вам руководитель. Садитесь.

– Уже сел, – Яблонский опустил на мягкий стул. – И весь во внимании!?! Говорите, Дмитрий Алексеевич.

– Благодарю вас, – мрачно усмехнулся ректор, – так вот, любезный, до меня дошли слухи, что вы серьезно спутались с дочерью Татьяны Алексеевны Вышнепольской... Говорят вы, Дмитрий, так ведь вы ей назвали, собираетесь на ней жениться?

– И это новость вас так расстроила?

– Меня расстроила не новость, а отсутствие новостей, молодой человек.

– Каких таких новостей?

– Здравствуйте, пожалуйста! – ректор нервно забарабанил пальцами по столу. – Каких новостей! А таких новостей, милый мой, которых я жду от вас уже больше месяца! Как обстоят дела с вашим делом?

– Каким моим делом?

– Послушайте, Яблонский, не прикидывайтесь дурачком. Вы прекрасно знаете, о чем я вас спрашиваю. Как обстоят дела с книгой, которую я вас просил мне доставить?

– Я женюсь, как вы уже изволили заметить, Дмитрий Алексеевич...

– И что это значит?

– Да, ничего. Просто констатирую факт.

– Из которого я должен сделать вывод, что выполнять мою просьбу вы не намерены? Вы что, любезный, решили со мной поиграть? Замечательно. Но ведь я же вас предупреждал, что не я, а вы окажетесь в свинячьем положении...

– Ой, ой как страшно! – нагло усмехнулся (пришла пора отыгаться за попытку сломать кайф счастья) Яблонский. – Я аж весь дрожу. Да, что вы можете мне сделать, Дмитрий Алексеевич? Ровным счетом ничего! Так что не нужно здесь устраивать инквизиционный суд. Не получится.

Григорий запел «...я молод, красив, здоров и чрез это счастлив безмерно...» в коротких паузах он рассматривал свои изящные ногти.

Ректор некоторое время недоуменно смотрел на Яблонского. Потом вскочил из-за стола и стал нервно ходить по кабинету:

– Можно только себе представить, каким будет наше общество лет этак через двадцать! О, Боже в чьи руки мы отдаем наше будущее!?

– В те, чьи воспитали!

– Мы отдаем его, – не слушая Яблонского, продолжал ректор, – в руки хамов и циников. У них же ничего святого за душой. Живут сиюминутной выгодой. Нужен Дмитрий Алексеевич – мы его используем, а нет, так мы об него и ноги вытрем. Подите прочь, негодяй! Вон из моего кабинета, мерзавец. И запомните, подлец вы этакий, Дмитрий Алексеевич человек не злопамятный, однако же, обиды помнит. И удар не только может держать, но и наносить его тоже умеет! Недаром старый боксер!

– Боксер, что вы говорите! Ну, тогда это меняет дело! Я ведь тоже занимаюсь боксом, а боксер боксеру должен помогать. Так что держите вашу книгу, Дмитрий Алексеевич, – Яблонский, улыбаясь, расстегнул папку и бросил на стол книгу. – Держите.

Как только ректор увидел книгу, то тотчас же хмурое лицо его преобразилось и приняло вид присущее получившим дозу наркоманам, дорвавшимся до жертвы маньякам и вошедшим в нирвану буддийским монахам, то есть выражение подлинного истинного счастья, которое так безуспешно ищет среднестатистический человек.

Дмитрий Алексеевич бережно, как гладят по волосам ребенка или любимую женщину, прошелся ладонью по шершавой обложке. Прислушиваясь к музыке шелеста, перевернул несколько страниц. Закрыв книгу и, приблизив ее к своему крупному носу, вдохнул в себя ее пьянящий запах.

– Она. Она. – Страстно – эротическим голосом шептал ректор. – Она. Она, моя девочка. О, Боги, наконец-то...

«Вот это торкнуло его! – Подумал Григорий. – И было бы с чего. Я пролистал несколько страниц, какая то хренотень! Какие-то азимуты. Параллели. Графики какие-то точно по удою молока. И главное непонятно, на каком языке. Как это все прочесть? А ректор от этих графиков, азимутов и тарабарского языка прямо-таки на седьмом небе от счастья! Может самому начать коллекционировать марки или там спичечные коробки и через это стать счастливым человеком? Нет! Нет! Я и без этого молод, красив, здоров и безмерно счастлив»

– О, благодарю вас, мой милый друг! – Дрожащим от волнения голосом, заговорил ректор. – Благодарю! Ох, и сделали вы меня счастливым человеком. Я бы даже сказал – архисчастливым!

Ректор перевернул еще несколько страниц, вновь втянул в себя пьянящий его запах и сказал:

– А вы, милый мой, актер. Ох, актер! Здорово разыграли старика. Зло, но здорово. А я вас все одно понимаю. Будь я на вашем месте, я бы тоже так поступил. Хотя в мое время мы

такое по отношению к власти не то, что допустить, но и подумать даже не могли. Вот время было. Ай – яй, а не время! Слава Богу, что вы этого не знаете. Кошмарное было время, скажу я вам. Не дай Бог кому еще испытать, но вот эта книжица нам в этом поможет!

– В чем?

– Как в чем? Чтобы время это никогда не повторилось.

– Каким образом?

– Это долго объяснять, мой дорогой...

– Как же... – Яблонский хотел сказать, что как же можно с помощью параллелей, азимутов, графиков и еще массой дурацких символов изменить власть, но, не захотев ломать ректору кайф, а, нахмурив лицо и запредельным, каким пугали в пионерском лагере по ночам друг друга пионеры, голосом произнес:

– А не боитесь Магдалены? Ректор весело рассмеялся:

– А здорово у вас получается! – Ректор повторил заупокойным голосом вопрос студента.

– Нет, не боюсь! Потому что это всего лишь розыгрыш, шутка, если хотите... Ну, чтобы вас немного пугнуть. Отвадить, так сказать, вас от соблазна завладеть книгой. Вы уж простите старика! И, кроме того, мы, коллекционеры, любим облечь некоторые артефакты в мистические одежды.

– Так вы не только вор, но и обманщик...

– Послушайте, дорогой мой, – зыркнул на Григория ректор, – вы забываетесь! Во-первых, не я крал, а во-вторых, – ректор сменил гневный тон на дружеский, – я расскажу вам одну историю. У моей мамы была подруга. Еще в студенческие годы попала на встречу с одним известнейшим в ту пору поэтом. Очень хотела, чтобы он подписал ей книгу, но достать не смогла. И вот на вечере увидела – лежит. Схватила и к «виновнику». И ему как на духу призналась. Так и осталось на титульнике «Книги надо красть» и подпись.

Понятно вам, свинтус вы этакий.

Дмитрий Алексеевич растрепал уложенные с утра волосы своего собеседника.

– И естественно с помощью книги ничего нельзя перевернуть в мироздании. Вот уж Гоголь уж до чего хороший писатель, но взялся писать книгу, которая, по его словам, объяснит людям все, а вышла не книга, а кучка банальностей.

– Понятно, понятно – Поправив вихры, сказал Яблонский и спросил, – Дмитрий Алексеевич, скажите, а как насчет моего распределения?

– Да куда от вас ваше распределение не убежит, а мы сейчас с вами по маленькой за успех грандиозного дела! Даже не грандиозного, а колоссального дела!

– Но ведь Наталья Сергеевна сказала, что у вас совещание.

– И что из того? Наше дело, Григорий, важней всех моих совещаний, уж вы мне поверьте, вместе взятых!

Вновь была раскрыта потайная дверца и вытащены оттуда лимоны, апельсины, ананасы, шоколад...

– Вот только вместо конька у меня сегодня кубинский ром. Вы как относитесь к рому, мой друг?

– Нормально!

– Вот и отлично, – ректор наполнил рюмки. – Кубинский ром, я вам доложу, отличнейшая вещь. Хотя я уверен, что Кастро со товарищами его скоро угробит. Они уже много чего угробили. Благо, что строят коммунизм! Сигары кубинские уже ни к черту! Так что пейте, пока оно еще того стоит. Пейте и рассказывайте, как вам все это удалось повернуть.

– Да что вы, Дмитрий Алексеевич, очень просто. Так просто, что даже не верится. И Яблонский рассказал Дмитрию Алексеевичу историю своего знакомства,

проникновения в квартиру и похищения книги.

Картина шестая

Несколько дней, после разговора с Дмитрием Алексеевичем, Яблонский потратил на, как говорят военные, на рекогносцировку местности, а также на составление графиков ухода и возвращения объекта – «Крокодилыши», как он ее окрестил. Не придумав, собственного пути знакомства с объектом, он решил воспользоваться советом Дмитрия Алексеевича.

– Послушай, друг. – Григорий остановил у дверей вино-водочной точки высокого сутулого алкаша, – вижу, что ты хочешь «догнаться», а нечем. Правильно?

– Ну.

– Могу угостить.

– Так угости, – оживился алкаш.

– Но за маленькую услугу.

– Не вопрос!

В вино – водочном отделе Григорий, по совету «длинного», купил бутылку

«мерзавчик», а в продовольственном – 100 г. ливерной и четвертинку черного..

Временные компаньоны пошли в пыльный, захламленный битым стеклом, промасленными газетами, рыбьими головами, огрызками яблок, скверик.

– Садись. – Алкаш похлопал по скамейке. – В ногах правды нет.

Алкаш впился зубами в серебристую пробку. Крутанул головой, и пробка со свистом улетела в кусты.

– Ловко ты! – изумился Яблонский. – Тебя как звать?

– Степа. – представился алкаш.

– Типа милиционер. – улыбнулся Григорий.

– А за мента можно и в рог схлопотать!

– Да я пошутил, успокойся. Стихи такие детские есть... про дядю Степу — милиционера... Ты, что их в школе не учил?

– Ты че мне экзамен решил устроить или как? – Степа сплюнул желтой табачной слюной на шербатый асфальт. – Ты давай, пей и базарь за свое дело, а про стихи мы с тобой после перетрем.

– Короче, дело такое. Сейчас тут пройдет одна девушка.

– Типа бикса?

– Пусть будет так. Ты к ней должен подойти... ну и там базар – вокзал...

– Вроде как клеюсь?

– Правильно! Но тут выхожу я и даю тебе в торец.

– Ни хера себе дела. – Длинный Степа встал с лавки. – У тебя ж кулаки пудовые! Так не проедет. За пузырь нос ломать? Ищи других лохов, дядя! А мы пошли...

– Почему за пузырь? – остановил Степу Яблонский. – За две бутылки водки! Алкаш остановился. Резко повернулся и быстро сказал:

– Тогда лучше лавьем рассчитайся. Я на него пять огнетушителей гадкого куплю. Лавье пришлешь?

– Гавно вопрос! Получишь деньгами. – Яблонский достал из кармана десятирублевую бумажку.

Степа жадно потянулась к купюре.

– Э нет, голубь, только после дела.

– А ты возьмешь и кинешь!?

– Хорошо, чтобы ты был спокоен, я дам тебе пять рублей сейчас и пять после дела. Идет?

– Заметано.

– А как я ее узнаю?

– Я тебе ее покажу.

Временные компаньоны вышли из сквера и остановились в арке. Минут через пять на другой стороне показалась девушка.

Яблонский сказал:

– Вот она. Вот к ней ты должен привязаться.

Яблонский вбежал во двор и устроился (на спрятанной кустами шиповника) чугунной лавочке. Вскоре до него донесся громкий Степин голос:

– Слышь, красава, огоньку не найдется?

– Не курю, – ответил Степе женский голос.

– И не пьешь, и здоровенькой помрешь...

– Дурак!

– А за дурака ответишь!

– Отпустите руку, больно!

Как только Григорий услышал эту фразу, он тут же влетел в подворотню, воинственно сжал кулаки и приказал

– А ну-ка быстро отпусти девушку.

– А ты кто, дядя? А ты типа Рубин Гуд... ну я тебе...

– Отпусти девушку, мерзавец.

Григорий бросился на «бандита». Пнул его ногой. Степа вылетел из арки. Яблонский устремился за ним.

– Держи. – Яблонский протянул компаньону вторую «пятерку».

– Эй, слышь, Робин Гуд, – крикнул вдогонку Степа, – а за пендаля надо бы рубчик набросить?

– Обойдешься.

– Ну, лады. Будут еще дела, заходи. Помогу. – Сказал он Яблонскому и побежал к вино – водочной точке.

Картина седьмая

Григорий пошел к арке, – «А вдруг она ушла, – испуганно подумал он, – пропали мои десять рублей».

К счастью для десяти рублей объект оставался на том же месте, где его оставил Григорий.

– Вы в порядке? – Участливо поинтересовался, подойдя к девушке, «герой-освободитель».

– Я да, а вы?

– Правая кисть. – Яблонский болезненно скривил рот. – Сильно болит. Кстати у вас бинта не найдется?

– Ой у вас идет кровь? Покажите.

– Да, нет, крови нет, но от удара о его противное лицо моя кисть сильно разболелась. Хорошо бы ее перебинтовать.

– С собой, к сожалению, бинта нет, а вот дома есть. Пойдемте ко мне домой. Я вам сделаю перевязку.

– А вы умеете?

– Конечно. У нас в институте кафедра военная есть. Мы там врачебное дело изучаем. На случай войны. Ну, вы же понимаете. – Девушка улыбнулась.

– Понимаю. Если завтра... – пропел Яблонский и засмеялся. – Меня, кстати, (Григорий решил взять себе ректорское имя) Дмитрием зовут.

– А меня Катя. Ну, так что – пошли ко мне делать перевязку?

– Да неудобно как-то, – зартачился спаситель. – Там ваши родители. Начнутся распросы, а когда они узнают, как мы познакомились... ну, то есть, что на вас напал хулиган. Они ведь определенно расстроятся. А мне никого не хочется огорчать.

– А бандит прав. – Засмеялась Катя.

– В каком смысле?

– В том, что вы настоящий Робин Гуд! Пошли, Робин Гуд, вы никого не обидите.

– Почему? У вас, что нет родителей?

– Есть, но папа уже давно с нами не живет, а мама возвращается поздно. Пошли!

– Если так, то можно и пойти.

Молодые люди направились к подъезду.

– На какой? – спросил «лжеДмитрий», поднося палец к кнопке лифта.

– Шестой.

Лифт, натужно скрипя тросами, стал медленно нехотя (точно зная, кого он везет) подниматься вверх. Наконец остановился. Неторопливо, как будто не желая выпускать Григория, раскрыл створки. Катя вышла из кабины и остановилась возле двери с надписью «Профессор Вышнепольская Т. А.».

«Все верно. – Отметил про себя Григорий. – Попал в десятку».

Катя достала из сумки ключ и стала открывать дверь. То ли замок не подавался. То ли ключ не справлялся. Одним словом, дверь квартиры, как будто чувствуя, кто в нее должен войти, категорически не открывалась.

– Черт, что такое! – Выругалась девушка. – Черт...

– Не поминайте черта, да еще к ночи. – Погрозил Кате пальцем Григорий. – Лучше упуйте на Бога.

– А вы что же верующий?

– Почему нет. – Улыбнулся Яблонский. – Дайте-ка, мне ключ я попробую. Яблонский, поплевав через плечо, всунул ключ в замочную скважину.

– Вы не верующий, а суеверный. – Прокомментировала действия своего нового знакомого Катя.

– Суеверие есть первый шаг к вере. – Открывая дверь и возвращая ключ девушке, сказал Григорий. – Прощу вас.

Девушка прошла в квартиру. За ней в сумрачный коридор вошел Яблонский. По запахам и обилию книг квартира скорее напоминала публичную библиотеку, чем человеческое жилище.

– Садитесь. – Катя указала на пузатый диван, что уютно расположился, в огромной с высокими потолками и лепниной, гостиной. – А я пошла за бинтом. Он у нас, кажется, в ванной комнате, в аптечке.

Девушка вышла. Яблонский поднялся с дивана и подошел к огромному книжному шкафу. Прежде чем открыть стеклянные дверцы, он прислушался. Из ванной доносилось хлопанье дверец и скрип отодвигающихся ящиков.

Яблонский, усмехнувшись, подумал:

«Как видно в этом доме с порядком не дружат. Хотя книги стоят ровненько... Книги святое! Интеллигенция!»

Яблонский отсчитал четвертую книгу справа в первом ряду. Вытащил ее. Прислушался. В ванной заурчала вода.

«Доктор, очевидно, моет руки, – подумал Яблонский. – Готовится к процедуре. Значит, время у нас есть»

Григорий вытащил книгу и увидел во втором ряду, тот самый манускрипт, о котором говорил ему ректор.

«ЛжеДмитрий» взял в трясущиеся и вспотевшие руки «судьбоносную книгу» и подумал.

«Вот исправление судьбы! Вот она жизнь в столице! И главное, как легко. Прямо пода-рок! Хватай и беги за свободным распределением!

Нет, так не бывает. В этом кроется какой-то подвох. А может все-таки бывает?

Бывает! Бывает, дурак, хватай и беги! Я, может, схватил бы, если бы со мной была подменная, та, что дал мне ректор. А так нельзя! Придет ее мама, увидит, что нет книги.

Последует вопрос, кто приходил? Приходил спаситель. Какой спаситель? Ну, такой

– то, такой-то. Мама к участковому. Участковый к своим, и в числе, которых несомненно бродит Степа, стукачам и быстренько меня вычислят. Идиот, хватай! Придурак, беги!

– Нет.

– Да!

– Нет!

– Да!

Минут пять продолжался душевно – правой конфликт студента Яблонского и когда он уже почти склонился «к хватай и беги», когда он уже было решился уйти по-английски, не прощаясь, из квартиры, в ванной комнате скрипнула дверь. Щелкнул выключатель. Послышались легкие направляющиеся в зал шаги.

Григорий быстро поставил книгу на место. Закрыв шкаф. Подошел к роялю. Открыл крышку и заиграл вальс Грибоедова.

– О, да вы не просто Рубин Гуд, вы играющий Робин Гуд. И как здорово играете!

– Прямо уж здорово. – Григорий остановил мелодию. – Так, пустяки. Кстати о музыке, я заметил у вас чудная библиотека.

– О, да у мамы прекрасная библиотека. Говорят одна из лучших в столице. Хотя книги меня трогают мало.

– А что же вас трогает?

– Музыка...

– Какая? – Григорий заиграл вальс цветов Чайковского. – Такая?

– Нет, я люблю рок.

Яблонский сделал крайне удивленные глаза:

– Что вы говорите, – ЛжеДмитрий виртуозно сыграл джазовый риф, – Неужели?

– А, что в этом удивительного? А ну да невзрачная мымра, вы хотите сказать, ей, мол, если и слушать так только Баха.

– Зачем вы так. – Поморщился Григорий и заиграл, чуть напевая себе под нос, битловскую «Michel». – Вы вовсе не мымра. Напротив очень симпатичная девушка. Да я бы мымру и не спасал...

– Ах, вот как! Мымры значит по-вашему не достойны защиты? А еще говорите, что стоите на первой ступени к вере!

Яблонский понял, что прокололся и стал быстренько исправлять положение. Он встал из-за рояля и, припав на колено сказал:

– Да это я вроде комплимента. Не совсем удачного... так, что простите...

– Ах, комплимент. За него спасибо... давайте вашу руку.

«ЛжеДмитрий» послушно протянул руку.

– Да вы садитесь на диван.

Яблонский беспрекословно выполнил распоряжение. Девушка села рядом, принялась довольно ловко бинтовать кисть.

«Сама – мымра мымрой, а пальцы прекрасные. – Длинные, изящные, цепкие, ловкие. Просто таки зависть пианистов, а не пальцы»

– Вы пианистка? – Поинтересовался (хотя прекрасно знал от Дмитрия Алексеевича, что Катя занимается на химическом факультете университета) Яблонский.

– Почему вы так решили?

– Ну, потому что у вас в квартире рояль и у вас прекрасные пальцы. Мечта пианиста!

– А это у меня от папы. Все от мамы, а пальцы от папы. Хотя я бы хотела, чтобы было наоборот. Папа у меня красавец. Я же пошла в маму такая же, как и она мымра.

Яблонский грозно нахмурил брови:

– Прекратите так себя называть. Вы никакая не мымра!

– Мымра. Мымра. Вон и веснушки у меня и угри.

– Глупости. – Решительно заявил Григорий. – Вы еще молоды. Все это пройдет, и вы еще станете писаной красавицы! Вот посмотрите!

– А вы откуда знаете, что пройдет? Вы что учитесь на косметолога? Девушка бросила Яблонскому спасительный круг.

– Да, я учусь в первом медицинском...

– Правда, – удивилась Катя, – а на вид студент физкультурного ВУЗА.

– Что, такой дебильный вид?

– Да, нет, что вы. Просто вы атлетически сложенный человек.

Ну, что пойдём на кухню пить чай? – Завязав последний узел, предложила Екатерина.

– А почему бы и нет!

По дороге на кухню Яблонский, споткнулся, что называется, на ровном месте. Квартира явно была живым и враждебным к нему существом.

– Наберите в чайник воду. – Попросила девушка, когда они пришли на кухню. Гость взял чайник и повернул кран.

– Ой, только осторожно. Он плохо работает...

Однако было уже поздно. Из крана вырвался фонтан ледяной воды:

– Настоящий гейзер! Но ничего мы тебя сейчас укротим. – Гость нырнул под раковину. Перекрыл вентиль.

– Ну, вот и все. – сказал он, отряхивая мокрые волосы.
– Вы же весь мокрый. Как же вы в таком виде выйдете на улицу? Ведь уже вечер!
– Ничего не замерзну, – вытирая лицо, волосы, протянутым ему полотенцем, заверил девушку Яблонский. – На дворе, слава Богу, весна!
– Нет, давайте-ка снимайте рубашку, я проглажу ее утюгом.
– Годится. – согласился Григорий и выдвинул встречное предложение. – А я пока устраню неполадку. Если у вас, разумеются, найдутся инструменты?
– Да вы что! Ее никто не может устранить. Лучший слесарь района, сказал, что тут нужно делать капитальный ремонт.
– Я хоть и не лучший сантехник в районе, но кое-что умею. Так есть у вас инструменты?
– Например, какие?
– Ключи, пассатижи, отвертки...
– Кажется, что-то такое есть. Вот здесь. Катя открыла дверь в кухонном шкафу.
– Так, так. – Копаясь в ключах и гайках, бурчал себе под нос Яблонский. – Это нам не нужно... это не подходит, а вот это в самый раз.

Катя вышла из кухни, а Григорий нырнул под раковину. Заскрежетал, метал. Донесся стук молотка.

– У меня все готово, – войдя через несколько минут на кухню, сообщила Катя.
– У меня тоже, – вытирая, тряпкой руки, заверил ЛжеДмитрий. – Можете пользоваться.
– Не может быть?
– А вы попробуйте.
Катя открыла кран. Из него упругой струей полилась вода.
– Невероятно! И не ломается?
– Гарантия на сто лет!
– Вы тоже можете пользоваться. – Девушка протянула Григорию рубашку.
– Ух, ты сухая! Даже суше чем была. – Засмеялся Яблонский. – Да вы просто волшебница!
– Да нет, это вы маг! Спасибо вам...
– А что это мы с вами на вы. Может, перейдем на ты?
– Почему бы и нет. – Согласилась Катя и предложила. – А давайте – как мы выпьем с вами чая...

– Чай на брудершафт? Оригинально!

Катя, смущаясь, выдвинула альтернативный вариант:

– Ну, можно и покрепче. Вы как к этому относитесь?

– Признаться, я не почитатель крепкого, но по такому случаю... За знакомство! Наливайте! Если есть?

На столе появился пузатый запотевший графинчик водки, сухая колбаса, голландский сыр, баклажанная икра, свежий бородинский хлеб.

ЛжеДмитрий наполнил рюмки, протянул одну из них Кате, и сказал:

– За знакомство, Катя. Молодые люди выпили.

– Целоваться будем? – держа опорожненную рюмку в руке, поинтересовался Яблонский. – Или обойдемся протокольной улыбкой?

Катя придвинула свои губы к лицу Яблонского и ответила:

– Будем, а почему нет!

«А пошлю-ка я на хер этого Дмитрий Алексеевича, – подумал, целуя девушку Яблонский, – да и действительно женюсь на ней. Она, судя по всему уже вполне готова отдать мне свою руку, сердце и квадратные метры этой огромной профессорской квартиры! Определенно женюсь. Ерунда, что она крокодил. Как там говорил ректор. Вам с ее лица воду не пить. Конечно, нет, а года через два можно развестись, да еще и метры квартирные отсудить...»

Уже покидая квартиру, Григорий произнес:

- В следующий раз, если ты позволишь, я приду с инструментами и настрою ваш рояль.
- Ты и рояли можешь настраивать! – воскликнула Катя. – Да, ты просто бесценный кадр.
- Я не только рояль могу, – Обнимая девушку за талию, шутливо сказал Яблонский,
- настроить, но кое-что еще. Яблонский потянулся к ее губам.
- Только не это. – Запротестовала Катя. Яблонский, разумеется, отпустили бы девушку, но протест был какой-то уж очень слабый. В нем скорее угадывалось «Да», чем «Нет»

Картина седьмая

Прошло три недели со дня знакомства. Они встречались на квартире у знакомого Яблонского – студента института кино Евгения Румянцева. Яблонский, когда-то починил ему (отвергнутую всеми специалистами) любительскую кинокамеру. И за это Румянцев брал с него за «комнату свиданий» трешку, а не пятерик, как с прочих.

– Мы совершаем с тобой непоправимые ошибки. – Сказала как-то Катя, лежа в кровати и глядя Яблонского по его густым волосам. – И должны их исправить.

Яблонский улыбнулся и спросил:

– Как же можно исправить непоправимое и, что ты вообще подразумеваешь под ошибками.

Поясни?

– То, что мы с тобой делаем.

– Мы делаем с тобой любовь, но она не ошибка, а благо, дарованное нам для понимания прекрасного.

Екатерина отреагировала на это витиеватое определение требовательным заявлением:

– Тебе нужно познакомиться с моей мамой.

– Зачем? – обалдело глядя на девушку, поинтересовался Яблонский.

– Потому что я рассказала ей о наших отношениях.

– Все? – Уточнил Яблонский.

– Все.

– Зачем?

– Потому что она моя мама.

– И что она должна знать каждый твой шаг? Ты же взрослая девушка у тебя должна быть частная жизнь и личные тайны.

– От мамы тайны? Какие от мамы могут быть тайны!? Тебе нужно с ней познакомиться!

– Но зачем?

– Как зачем? Нам ведь нужно оформить наши отношения.

– Что значит оформить?

– Пожениться.

– Ах, вот как. Через три недели знакомства жениться! Не рановато ли?

– Ты, против?

– Нет, что ты, напротив! И с мамой я твоей обязательно познакомлюсь, – заверил девушку Яблонский, а сам подумал: «С одной стороны, познакомиться с ее матерью

рискованно. Вопросы, выяснения общих знакомых и т. д. и т. п. на всем это можно и погореть, как швед под Полтавой, но с другой стороны, это расширяет мои возможности стащить книгу и остаться вне подозрения. С другой стороны, если ее хватятся, то под подозрение попаду в первую очередь я. И тут выяснится, что я никакой не Дмитрий, а впрочем, какая мне уже будет разница ЛжеДмитрий я или вещий Олег. Влез в эту кашу, так уж нужно хлебать ее до конца»

– Ты, правда, согласен познакомиться с мамой?

– Ну, разумеется, да... Ведь чего хочет дама, того же желает и Бог!
– Это кто сказал?
– Что?
– Ну, про даму и Бога. Вольтер?
– Бог его знает! – Яблонский почесал затылок. – Может и он, а может – я сам придумал.
– Тогда ты уже на полпути к великим! – Рассмеялась Катя. – Лет через двадцать будут говорить, как сказал, Дмитрий... Кстати, как твоя фамилия?

Вопрос этот застал Яблонского врасплох.

«Черт подери, почему я ей раньше по фамилии не представился. Какую же теперь ей назвать?»

...на ум идут все, какие-то Петров, Иванов, Сидоров. А почему собственно пошлые? Они распространенные попробуй, отыщи Дмитрия Иванова или Диму Сидорова. Жизнь потрапишь – не найдешь».

– Как разве я тебе не называл свою фамилию? – Округлив глаза, спросил Яблонский.

– Нет.

– Иванов моя фамилия. Иванов!

– Что ты говоришь!?! – Изумленно воскликнула девушка. – Никогда бы не подумала!

– Почему?

– Потому что ты не похож на Иванова! Я, например, думала, что твоя фамилия Раневский или Яблонский.

Григорий вздрогнул. Он бы непременно рухнул на пол, если бы лежал не у стены:

– Почему ты так решила? – Поинтересовался он тихим голосом.

– Что?

– Что я Раевский или Яблонский?

– Просто в твоей внешности есть что-то аристократическое и ей подходят именно эти фамилии.

– А.

Григорий успокоился и перешел на дурашливый тон:

– А Ивановы, по-твоему, менее аристократичны?

– Почему менее? Вовсе нет. Хотя, по правде говоря, все знакомые мне Ивановы имели довольно простоватый вид слесарей и водопроводчиков.

– Вот видишь, я соответствую своей фамилии Иванов.

– Почему это?

– Потому что я тоже умею чинить водопроводы.

– Точно. – Рассмеялась Катя. – Сантехник, который приходил к нам чинить ванную так и не поверил, что теми инструментами, которые есть у нас дома, можно было так починить водопроводную трубу!

– Ну, вот видишь. Даже сантехник признал во мне Иванова!

Яблонский притянул Катю к себе, и они потешно потерлись кончиками свои носов.

– Ну, что ты знакомишься с моей мамой? – Вновь вернулась к теме знакомства Катя. Яблонскому это уже порядочно надоело, но он решил не менять дурашливый тон:

– Что прямо сейчас? В неглиже? Думаю, она меня не поймет! Мне нужно помыться, побриться, одеться, выпить чашечку кофе и только тогда знакомиться с твоей мамой. Кстати, мне предложили билеты в театр. Давай сходим в театр, а потом уж к твоей маме с визитом?

– Тогда уж лучше в кино.

– Почему в кино? – по-детски надул губы Григорий.

– В кинотеатрах идет новый фильм режиссера Арсеньева. Говорят, что это очередной его шедевр.

– Арсеньев. Кто такой этот Арсеньев?

- Ты меня удивляешь, Дима! Не уже ли ты не знаешь Арсеньева?
- Увы и ах, не знаю.
- Тогда мы просто обязаны пойти на этот фильм! Ты должен познакомиться с его творчеством!
- Почему должен?
- Потому что это гений кинематографа! Как говорит моя мама – «Арсеньев – наше все в области кино»
- Ну, раз так сказала твоя матушка, то мы непременно пойдем в кино, и на последний ряд, и последний сеанс!
- Почему на последний сеанс и ряд?
- Чтобы на «нашем всем» целоваться! Катя несильно ударила Яблонского в бок:
- Как тебе не совестно. Целоваться на нашем всем! Это все нужно смотреть и впитывать.
- Ну, если Катя скажет надо, Гоша ответит есть! – Попытался скаламбурить Яблонский. – И будет впитывать!
- Какой Гоша? При чем тут Гоша?
- Гоша, так в детстве называла Григория мама, стал быстренько выкручиваться из неловкой ситуации:
- Кто сказал Гоша? Какой Гоша! Где Гоша? Покажите мне его. Я хочу видеть этого человека!

- Яблонский грозно зарычал и увел разговор в иную плоскость:
- Кстати ты не сказала, когда мы идем в кино и главное, главное, когда мы идем с визитом к твоей маме!?
- В кино, если ты не против, пойдем в субботу, а воскресенье к маме.
- Прекрасно! В субботу нацелуемся, а воскресенье наедемся. Ты ведь пригостишь свою фирменную тушеную утку?
- Обязательно.
- О, я обожаю!
- Меня или утку?
- Тебя, тебя моя сладенькая курочка. – Яблонский крепко обнял и привлек к себе девушку. – Ты слышишь, как твой петушок обожает свою курочку!
- Пусти. – Выскользнула из объятий девушка. – Мне больно. Пусти.
- Отпускаю, потому что не хочу делать тебе больно – раз и два, поскольку цигель — цигель ой-лю-лю время, а оно для меня деньги.
- Катя быстро оделась, подкрасила губки, припудрила носик и вышла в коридор. Вызвала лифт. Кабина стала медленно опускаться вниз.
- погоди, – закричал в шахту лифта Григорий, – ты ведь не сказала, в какое время мы встречаемся в субботу?
- Вот ворона! – Донеслось из шахты. – В пять часов вечера.
- В пять часов у Никитских ворот. – Громко пропел Яблонский. – Пусть начнется сегодня наш вечер...
- Не в пять, а в семь.
- Почему в семь?
- В песне поется в семь часов. А мы встречаемся в пять и не у Никитских ворот, а у кино-театра «Октябрь»

Яблонский услышал, как открылась кабина лифта, застучали каблучки, хлопнула входная дверь.

Григорий напевая, вернулся в квартиру. Принял душ. Прибрал кровать и, усевшись в кресле, стал листать журнал «Культура»

В дверях заворочался ключ. Дверь раскрылась, и в комнату вошел студент института кино Евгений Румянцев.

– Закончил свиданье? – Поинтересовался он, снимая ботинки.

– Закончил.

– Пришли бабло! – Румянцев протянул руку.

– Держи. – Григорий вытащил из кармана мятую трешку.

– Мог бы и поновее найти, – пряча купюру, буркнул Румянцев.

– Деньги как не пахнут, так и не стареют! – родил афоризм Яблонский. – Кстати, старик, хочу послушать мнение специалиста. Меня тут пригласили на фильм режиссера

Арсеньева. Я о нем никогда не слышал, но тот, кто меня пригласил, уверяет, что это наше все! Так ли это?

«От нашего все» Румянцев скривился так, словно нечаянно надкусил гнилое и одновременно червивое яблоко:

– Ну, ты даешь... ваще! Наше все! Да, у нас в совке ничего своего никогда, по определению не было, нет, и быть не может. Для того чтобы что-то создать, нужна свобода творчества, а у нас ею даже не пахнет. Этот твой Арсеньев не наше все, а всего лишь слабая отрыжка западного артхауза.

– Так можно идти или нет? – поинтересовался Григорий.

– Куда?

– Да, на его фильм!

– Конечно, можно. Ведь Арсеньев, как и прослушивания Голоса Свободы, входит в джентльменский набор советского интеллигента.

– Понятно. Сходим. – вынес решение Яблонский.

– Сходят с ума, а кинотеатр посещают. – Желчно хмыкнул Румянцев, закрывая за Григорием дверь.

В воскресенье Григорий и Катя встретились возле «Октября» В буфете они выпили бутылку лимонада и съели по заварному пирожному.

Закончив, они спустились в фойе и после третьего звонка вошли в зал.

Медленно, словно закат, потух свет, и застрекотала точно, разбуженный сумерками, сверчок – киноустановка.

Тягучее начало фильма не пришлось по душе Григорию, но мере раскручивания сюжета менялось и восприятие фильма. Особенно тронули его умные, смелые и необычные диалоги персонажей ленты. После того как на экране появился «Конец» и фильм снят на пленке Шосткинского комбината. В зале стремительно включился свет.

Молодые люди вышли на ночную улицу:

– Ну, как тебе, фильм, Дима?

– Хороший фильм. Даже целоваться не хотелось.

– Правда.

Катя весело рассмеялась, а Яблонский подумал.

«Боже мой, послал бы я Дмитрия Алексеевича ко всем чертям, будь она хоть чуть-чуть красивее»

– Ну, пойдём?

– Пойдем.

Катя просунула свою руку под локоть Яблонскому и молодые люди, обсуждая ленту, направились к ближайшей станции метро.

Уже заходя в вагон, Катя сказала:

– Значит, завтра – мы ждем тебя с мамой в пять часов вечера?

– Разумеется. Я обязательно буду!

Поезд тронулся, унося девушку в темные запутанные лабиринты, столичного метро.

Картина восьмая

Назавтра с букетиком весенних цветов и тортом для чая в семь часов вечера Яблонский позвонил в дверь. Дверь легко, видимо уже привыкнув к Яблонскому, открылась. На пороге Григорий увидел знакомую (но все же интереснее, чем она была изображена на снимке, что показывал ему ректор) даму.

– Добрый день. Точнее добрый вечер. Вы, как я понимаю, Катина мама?

– Да, я Татьяна Алексеевна, мама Кати.

Хорошо поставленным, в котором слышались командные преподавательские нотки, голосом представилась женщина. – А вы Дмитрий?

– Совершенно так.

– Очень рада, – Татьяна Алексеевна, убрала из голоса командные звуки, и протянула руку.

Яблонский поцеловал ей руку и сказал, протягивая ей торт и цветы:

– Это вам.

– Ой, спасибо! – Теперь в голосе Татьяны Алексеевны звучало только очарование. —

Ой, спасибо. Это так трогательно.

И она сунула свой нос в скромный пахнущий весной букетик.

– Скажите, куда я могу это определить? – Расстегивая куртку, спросил Яблонский.

– Вешайте вот сюда на полку. Давайте я вам помогу.

Татьяна Алексеевна бросилась, помогать Яблонскому. Вешая куртку на крючок, она неожиданно заинтересовалась.

Вопрос этот чрезвычайно удивил Яблонского. Ибо обычно при первых знакомствах спрашивают: о погоде, здоровье, и прочих пустяках.

– Катя, говорила, что вы вчера ходили с ней на новый фильм Арсеньева?

– Да.

– И как вам?

– Катя, говорила, что вы трепетно относитесь к этому режиссеру. Я слышал, вы называете его – «нашем всем».

Яблонский очаровательно улыбнулся.

– Ну, я ей задам, – погрозила пальцем в сторону кухни, Татьяна Алексеевна. – Вот только закончит свою тушеную утку.

И задам!

– А я стану на ее защиту. – Яблонский демонстративно напряг свои внушительные мышцы.

– Ну, с таким богатырем мне не справиться.

– Справитесь, ибо на самом деле я очень мягкий и послушный человек.

– Правда?

– Истинная. – Театрально потупив голову, смиренно произнес Яблонский.

– О, да вы актер! Тогда скажите мне как актер, как вам Арсеньевский фильм? Потому что я его еще не смотрела.

– Посмею с вами не согласиться.

– В чем?

– В том, что это «наше все»

– Вот как! Почему?

– Потому что в «нашем всем» чувствуется присутствие не нашего, а западного артхауза.

– Вот как. – Татьяна Алексеевна с нескрываемым интересом взглянула на Яблонского. – Ну, что ж насчет, влияния западного кино на Арсеньева, вы, безусловно, правы. Но меня интересует и еще кое- что...

Татьяна Дмитриевна замолчала.

– Так что же вас интересует? – Вернул, даму к разговору Яблонский. – Спрашивайте, я с удовольствием вам отвечу.

Татьяна Алексеевна заговорила, поглядывая в направлении кухни, страстным полусшепотом:

– Скажите, Дмитрий у вас с Катей – серьезно. Ваши отношения с ней, я имею в виду?

– Я...

Татьяна Алексеевна не дала Яблонскому высказаться.

– Она, так много мне о вас рассказывала и с таким упоением. Мне, кажется, что она вас очень, очень, до умопомрачения любит. Понимаете – любит!

Татьяна Алексеевна замолчала и вновь страстным полусшепотом продолжила:

– Меня это беспокоит. Не перебивайте меня. – Заметив, что Яблонский хочет что-то возразить. – Не перебивайте. У меня не так много времени. Так вот меня это беспокоит. Я поясню. Вы красивый молодой человек, а она, скажем так, далеко не красавица. Вы поиграете с ней и бросите, а у нее большое сердце. Врожденный порок.

«Вот это номер. – Изумился Яблонский – Этого нам только не хватало»

– Ваш обман может убить ее, а вместе с ней и меня. Ведь она единственный родной мне человек. Скажите, ваши чувства к Кате такие же искренние, как и ее к вам? Вы любите ее? Скажите мне честно!? Потому что, если вы просто хотите поиграть с моей дочерью, то уходите прямо сейчас. Потому что потом будет поздно...

Яблонский стоял и, хлопая глазами, слушал жаркий полусшепот Катиной матери. Его коробило, этот просительный тон, направленный к незнакомому, впервые увиденному человеку. Раздражал ее выпытывающий взгляд. Во всем этом была не соответствующая этой умной, образованной женщине дикость, которая присуща разве только какой-нибудь безграмотной бабе. Но, с другой стороны, она мать. Она заботится не только о ней, но и о себе. Ведь она сказала, что она без нее умрет, а разве с такой должностью, положением в обществе, квартирой и шикарной библиотекой охота умирать – нет!

– Если же у вас серьезные намерения, то пообещайте мне прямо сейчас и здесь, что никогда не бросите ее. Пообещайте и все, что я имею в своей жизни, все это будет вашим с Катей. Я оставлю вам эту квартиру, машину, дачу у меня прекрасная библиотека.

«Вот это уже интересно, – улыбнулся в душе Яблонский. – Библиотека это то, что нам нужно»

– Мне ничего не нужно. Мне только надо, чтобы моя дочь была счастлива. Понимаете?

– Понимаю.

– Вы обещаете, что сделаете ее счастливой. Вы обещаете мне это?

– Я всегда думал, что счастье – категория абстрактная. – улыбнулся Григорий.

– Счастье – это категория человеческих отношений! Так вы обещаете мне сделать ее счастливой.

– Об...

Яблонский не договорил, поскольку из кухни вышла Катя:

– А о чем это вы здесь шушукаетесь?

– Да, вот я говорю, чтобы, Дмитрий, не снимал обувь, а он упирается. – Татьяна Алексеевна вернулась к бойкой речи, в которой легко угадывался преподаватель университета. – Вот я ему и подбираю тапочки. Ну, как попробуйте вот эти?

Татьяна Алексеевна вытащила из полки вельветовые тапочки.

– Может быть, эти подойдут?
«Вот конспиратор. Как она ловко выкрутилась» Подумал Яблонский, натягивая на ногу тапочек.
– Вы знаете, самый раз! – Радостно воскликнул Григорий. – Как будто на меня шились!
– Ну, замечательно. Кстати, я даже не знаю, откуда они взялись. Я их впервые вижу! Прямо мистика, какая-то.
– Мама у тебя всегда и во всем мистика. Как только тебя доверили научный атеизм!?
– Мистицизм, – ответила, направляясь на кухню, Татьяна Алексеевна, – не имеет ничего общего с религией.
– Да, а вот Дмитрий, говорит, что мистицизм это первый шаг к религии.
– Шаг, да, но не религия! – Преподавательским тоном, ответила на это замечание Татьяна Алексеевна и скрылась на кухне.
Оттуда донесся звон бокалов, вилок и ножей.
– Ну, здравствуй, это я. – Пропел строчку из песни, Яблонский. – Правильно я пою?
– Что значит правильно?
– Ну, не путаю слова. Как в прошлый раз... в пять часов у Никитских ворот?
– Нет, – Катя припала головой к груди Яблонского, – Не путаешь.
– Ну, вот и отлично, – Яблонский подул на причудливый завиток Катиных волос. – Поцелуемся?
– Неудобно. Мама дома.
– У тебя мировая мама! – Фразой из кинохита ответил Яблонский.
– Ну, только если так. – Улыбнулась Катя и привстав на цыпочки, подставила Яблонскому свои, чуть тронутые неяркой помадой, губы.
– Ну, целуй. Я обожаю с тобой целоваться!
Молодые люди слились в страстном поцелуе. Через два дня Яблонский явился в квартиру с фальшивкой, которую и поставил на место оригинала.

Вот такая вкратце история. – Поставил точку в своем рассказе Яблонский.
– История не сказать, что впечатляющая. – Произнес, зевнув, ректор. – И явно не достойная пера...
– Но триппера?
– Не пошлите, – поморщился Дмитрий Алексеевич, – дорогой мой, это вам не к лицу.
– Не буду, Дмитрий Алексеевич, вот получу свободное распределение и не буду! Кстати, как обстоят с ним дела? Вы не передумали?
– Я же вам сказал, милый мой, что Дмитрий Алексеевич слово держать умеет! Вот оно.

Институтский руководитель вытащил из стола бумагу и протянул ее Яблонскому.
– Можете устраиваться, куда вам заблагорассудится! Ректор замолчал и продолжил,
– Но я бы на вашем месте некоторое время пожил бы где-нибудь в пригороде. Ну, что бы не попадаться на глаза Кате. Ибо я слышал, что она влюблена в вас как кошка в сало))))
Зачем же травмировать, в общем – то хорошую девушку. Не так – ли? Впрочем, как хотите. Не буду вас больше задерживать. Печать поставите у Натальи Сергеевны. Всего доброго, и запомните, если вам что-то от меня потребуется, заходите без церемоний. Я вам чертовски обязан!

Дмитрий Алексеевич провел Яблонского до двери и уже на пороге протянул выпускнику несколько коричневых бумажек:
– Держите – вам. Вроде подъемных.
Григорий вышел в приемную и небрежно бросил на стол распределение:

- Наталья Сергеевна, шлепните, пожалуйста, вашу всесильную печать на сию бумагу.
- Григорий, она не моя. Она государственная.
- Правильно без нее эта бумага так и останется листком.
- А что это такое?

Наталья Сергеевна вытащила очки. Нацепила их на свой хищный тонкий нос. Прочла содержимое.

- О, поздравляю. Сейчас, сейчас мы ее шлепнем...

Секретарша подошла к бронированному (в каком еще может храниться государственная печать) сейфу. Набором цифр открыла его. Вытащила печать. Макнула ее в коробочку с чернилами. Щелк! и бумага стала государственным документом.

Яблонский аккуратно вложил документ в папку:

- Благодарю вас. – И вышел из приемной...

Картина девятая

С того самого дня, когда «Манускрипт Магдалены» попала в руки Дмитрия Алексеевича, Григорий перестал встречаться с Екатериной.

Первое время ему ее даже не хватало, но не Екатерины – нет, а тех событий, что были с ней связаны, не хватало пьянящего азарта охотника. Бодрящего адреналина. Однако, сменяющиеся, как в узоры в детском калейдоскопе, события вытесняли и Катю, и Манускрипт Магдалены и охотничий азарт и...

Нужно было готовиться к защите. Она прошла как нож по маслу. Был получен и обмыт (в одном из лучших столичных ресторанах) диплом о высшем образовании.

От ресторана осталась боль в голове и печени, и обрывочные воспоминания о некоей Тамаре. Вскоре все это вытеснили бумажные дела, комиссии, проверки и, наконец, Яблонский был принят в штат престижного, известного на всю страну, НИИ. Это заведение хотя и было прославленным, но о существовании его, а тем более, о том, что в его лаборатория разрабатывается, знали немногие.

Но, даже работая в НИИ и занимаясь интереснейшей работой, Григорий нет-нет, да вспоминал Екатерину.

Но тут подоспело одно событие, которое надолго задвинуло Катю на задворки памяти...

Комсомольское собрание в НИИ, несмотря что на нем собралась, можно сказать, золотая молодежь, ничем особенным не отличалось. Та же рутина и скукотища, что и на любом комсомольском сборище.

Такого числа....

Такого месяца....

Было проведено комсомольское собрание.... Повестка дня такая – то такая.

Народу присутствовало много. В зале не работал кондиционер, и оттого в нем было нестерпимо душно.

Григорий, еще плохо зная коллектив, сел, как когда-то в кинотеатре с Катей, на последний ряд.

Не успел, на сцене появиться секретарь и члены Бюро, как уж в зале послышался ропот.

– Давай скорей, секретарь. Не тяни волюнку. Жарко в зале.

– Ничего, товарищи, потерпим, как говорится, наши отцы и деды не такое на фронте терпели.

Сказал, взойдя на трибуну и загнав в горло, метал холенный красивый, и при этом, какой-то дебиловатый, молодой человек Андрей Быльников. – И мы потерпим. На

повестке дня сегодня у нас первое – отчет Бюро за проделанную в отчетном периоде работу. И второе – персональное дело комсомольца Василия Викторовича Смелякова.

Приступаем к первому. Быльников скучным монотонным (вгоняющим в сон) голосом начал доклад. С трибуны зазвучали цифры, имена, фамилии, названия предприятий и прочая выворачивающая душу муть.

Закончил секретарь свое выступление следующим пассажем:

– Кто за то, что бы признать работу нашего Бюро ВЛКСМ удовлетворительной, прошу поднять руки.

К потолку дружно, точно деревья к небу, взметнулись руки. Секретарь молча обвел взглядом зал и, зевнув, объявил:

– Единогласно! А теперь, товарищи, приступаем ко второму:

– А оно, дорогие мои, совсем не вкусное. Дело в том, что член ВЛКСМ Смеляков В. В. публично поставил под сомнение научную работу зав. Лаборатории, члена КПСС и своего

непосредственного начальника товарища Свешникова Николая Ивановича. Мы все прекрасно знаем Николая Ивановича. Знаем о его наградах и достижениях...

Секретарь принялся перечислять заслуги зав. лаборатории. Закончив, Быльников, поинтересовался, обращаясь к залу.

– Кто хочет высказаться по этому вопросу, товарищи?

Но никому высказываться не хотелось, а хотелось скорей вырваться из этого зала и побегать кому в кино, кому в театр, кому в ресторан, кому так попросту поваляться с книгой на диване, да что там кино, диван – просто-напросто выпить ломающей челюсть стакан холодной газировки.

– Активней, товарищи, активней. – Призвал зал Андрей Быльников. – Конструктивней. Кто первый?

– А чего мы? Дайте слова Смелякову. – Выкрикнул кто-то из зала. – Он виноват — пусть и отвечает.

– Хорошо. Смеляков, говори! – Приказал, виновнику «невкусного второго», секретарь. С первого ряда поднялся невыразительный человек в темных очках:

– Можно я с места?

– Хорошо, говори с места.

– Товарищи, – повернувшись к залу, заговорил Смеляков. – вот тут кто-то сказал, что я виноват. Нет, товарищи, я ни в чем не виноват. Все выдвинутые против меня Бюро обвинения – откровенная ложь!

– Но, но! Ложь! – Возмутился секретарь. – Ты, говори, да не заговаривайся! А то ведь за такие обвинения можно ответить и перед партийным БЮРО.

– А я не заговариваюсь и отвечу где угодно, ибо все выдвинутые против меня обвинения – ложь! От начала и до конца! Да, я критиковал работу Николая Ивановича, но не ставил под сомнение его научную работу...

– Это почти одно и то же. – Перебил его Быльников.

Что вытолкнуло обычно равнодушного к судьбам других людей Яблонского из кресла? Может злость, что он должен сидеть здесь, а не заниматься своими личными делами. Может холенное наглое и тупое лицо секретаря. Возможно несправедливость выдвинутых против этого невыразительного, но умного и интеллигентного молодого человека, обвинений. Может статья, тут сказала и обида за себя, за то, что ради этого НИИ и этого дурацкого собрания в его стенах, он обманул порядочную и больную девушку...

Яблонский резко встал со своего стула и дерзко заявил:

– Нет, это не одно и то же.

– Что вы имеете в виду, товарищ, не знаю вашей фамилии. – Привстав со своего стула, спросил Быльников.

– Яблонский моя фамилия. – Представился Григорий и, не дав секретарю вставить слово, продолжил. – Я говорю, что критика и очернительство не одно и то же. Я знаю суть этого конфликта. Знаю, что Смеляков, критиковал Николая Ивановича! Но кто сказал, что этого делать нельзя? Можно и нужно! Поскольку критика есть тот мотор, что толкает прогресс и науку вперед. Без здоровой критики общество, а уж тем более, научное общество превратится в болото...

Яблонский говорил долго и страстно. Он называл имена ученых и политиков. Ловко жонглировал цитатами классиков марксизма и вернул даже одно высказывание из Эммануила Канта.

Выступление Григория Яблонского походило скорей на съемки, какого-то обреченного долго лежать на полке, художественного фильма.

Собрание оживилось. Только что спавшие комсомольцы, вдруг резво, перебивая

друг друга, заговорили. Кто-то рвался к микрофону. Кто-то кричал, забравшись на спинку стула. Секретаря вытолкнули из президиума. Президиумный стол завалили на бок. Красная, сброшенная со стола, скатерть напоминал лужу крови.

– Товарищи! Товарищи! – Безнадежно требовал Быльников. – Соблюдайте регламент. Но его никто не слушал. Все превратилось в сплошной шум и рев – угрожающий смести все на своем пути.

Наконец, все высказались, устали, градус спора упал до нулевой отметки, в зале наступила тишина.

Секретарь А. Быльников поправил галстук. Застегнул пуговицы на жилете «польской тройки» и, выпив полный до краев стакан воды, и сказал, вытирая платком мокрые губы:

– И какое решение мы вынесем по второму вопросу? Предлагайте.

– Да, влечь ему общественное порицание – предложил визгливый женский голос, — и по домам!

– Правильно. – Поддержал ее стройный гул молодых здоровых глоток. – Домой! Домой!

– Кто за то, что бы поставить на вид товарищу Смелякову его поведение, прошу поднять руки.

Зал дружно взметнул, к огромной хрустальной люстре, что висела на потолке, свои молодые крепкие руки.

– Кто против?

Яблонский встал с места:

– Я против.

– Так и запишем. Один против. Товарищ... Секретарь почесал затылок, – повторите вашу фамилию и имя отчество.

– Яблонский Григорий Ильич.

– Прекрасно, Григорий Ильич, так и занесем в протокол. Против Яблонский Г. И. На этом, товарищи, собрание объявляется закрытым.

И в ту же минуту члены ВЛКСМ, что табун молодых жеребят, толкая друг – друга, подкалывая и хохоча над собственными шутками, помчались на всех парах к выходу.

– А вы, товарищ Яблонский, – перекрикивая толпу, обратился к Григорию секретарь, – задержитесь на минуточку.

Когда все вышли, Григорий встал с кресла и направился в президиум. Ни секретаря, ни членов там уже не было. Точнее, остался только один член, но назвать членом высокую белокурую сероглазую красавицу... да отсохнет тому язык.

Яблонский, как только вошел в зал, еще перед началом собрания, так сразу положил на нее глаз.

Красавица, складывая красную пострадавшую от коротко восстания простынь, отрекомендовалась:

– Татьяна Алькова.

«Татьяна, как мою несостоявшуюся тещу. Подумал Яблонский. Сейчас начнет размазывать меня по стенке. Такая может...»

– Это я попросила секретаря вас задержать. Простите, как вас зовут?

– Григорий Яблонский.

– Очень приятно. – Девушка протянула руку и эротично улыбнулась. Она вообще была весьма эротична и скорей напоминала девушку с обложки «Playboy», чем члена президиума комсомольской ячейки НИИ.

– Я вот, что хотела сказать, Григорий. Вы молодчина. Честное слово, умница. Здорово выступили. Расшевелили наше болото, а то ведь все приходят на собрание не поговорить,

не обсудить, а только для галочки. Я рада, что в нашем коллективе будет работать такой смелый товарищ.

– Ну, зачем же так официально, товарищ. – Улыбнулся Яблонский. – Можно просто Григорий, или еще проще Гоша.

– Ну, что ж, – засмеялась девушка, можно и просто Гоша. – Только вы уж меня тоже называйте просто Тата.

– Какое прекрасное имя Тата. Поэтическое и очень музыкальное.

– Ну, так уж и музыкальное. – Девушка взяла в руки элегантную сумочку. – Вы не торопитесь – нет? Тогда давайте немного пройдемся и поговорим о жизни нашей комсомольской организации.

Яблонский хотел, было предложить другую тему разговора, но девушка была настроена явно на деловой лад, поэтому он решил:

«Пусть будем, как она хочет. Начнем о жизни комсомола, а там глядишь выйдем и личные проблемы»

.Вы не против?

– Разумеется, нет.

– В таком случае вперед. Девушка указала на дверь.

Молодые люди вышли в вестибюль. Спустились на первый этаж и, предъявив свои удостоверения дежурному вахтеру, вышли на улицу.

Верхушки деревьев были окрашены в теплые золотистые тона, а у их подножья лежали фиолетовые тени.

День близился к концу.

– Вам, в какую сторону. – Подставляя девушке свой локоть, поинтересовался Яблонский.

– В сторону солнца. – Ответила девушка.

– Ну, солнца так солнца.

И они неспешно пошли по широкому проспекту.

– ...Вы абсолютно правы, Григорий, утверждая сегодня о затхлости и без интересности нашей комсомольской жизни. Я согласна, ее нужно оживить, но каким образом? Сверху нам спускают скучнейшие резолюции и требуют их выполнения. Личная инициатива не поощряется. Наше мнение игнорируется. Секретарь комячейки – скучнейшая личность плюс оголтелый карьерист!...

– Значит нужно бороться и с секретарем, и с резолюциями и с теми, кто их спускает!

– Бороться с верхами? Ну, это уж, пожалуй, слишком...

– Я же не предлагаю их свергать. – Яблонский сверкнул обаятельной улыбкой. – Я предлагаю только реформировать отношения между верхами и низами. И в этом ничего страшного нет. Напротив – этого требует время.

– Так уж и время?

– Да, да, да. Вы оглянитесь вокруг. Того нет. Этого нет. Это нельзя. Это не разрешено. И было бы, что-то действительно важное, стоящее, а то ведь нет чего? Да элементарных ботинок. В космос, что день запускаем ракеты, а колбасы в магазине нет.

Тата неодобрительно хмыкнула:

– Колбаса – это как-то мелко.

– Это не мелко, а необходимо. Впрочем, Бог с ней с колбасой. Возьмем книги, кино, театр...

Ведь то, что нам можно читать, смотреть, да и о чем думать, решают за нас. То есть, как вы выразились, спускают сверху. Разве это нормально?

Ненормально! Жизнь требует перемен! И они наступят. И очень скоро. Вот увидите! Яблонский говорил смело, горячо, зажигательно.

– Все, это очень интересно и мне не хотелось бы прерывать этот разговор. Может, продолжим его за чашкой чая? Поскольку я уже пришла. Вот мой дом.

Девушка указала на высотное здание.

– Как ваш?! – Изумился Яблонский. – Это же министерский дом.

– Да, мой папа замминистра строительства. Ну, что пошли гонять чай? Яблонский подумав, ответил:

– Да как-то неудобно.

– Что испугались? Ну, вот, а в речах своих вы такой смелый, решительный, категоричный...

– Да, не я не испугался... просто... чай... в первый день знакомства...

– А какая разница, в какой день приходит пить чай. В первый или десятый? И потом в нашем случае важен не чай, а разговор. Правильно?

Картина десятая

Яблонский прошелся руками по волосам. Поправил галстук и объявил:

– Ну, что ж раз вы называете меня смельчаком, то нужно этому соответствовать. Быть, так сказать, смелым до конца. Пошли. Надеюсь, ваши родители меня не скушают?

– Да, что вы, – засмеялась девушка, – наоборот, накормят. У меня мировые родители! Молодые люди вошли в подъезд:

– Как поживаете, Татьяна Ивановна? – лакейским голоском поинтересовался швейцар.

– Прекрасно, Михалыч.

– Ну, и, слава Богу.

– Это со мной. – Кивнула на Яблонского Тата.

– С нашим удовольствием...

Швейцар нажал на кнопку лифта. Молодежь на быстроходном лифте взметнулась на десятый этаж.

Дверь им открыла простоватого вида женщина. Яблонский подумал, что это домохозяйка.

– Мама, познакомься, это наш сотрудник Григорий Яблонский. А это моя мама. Нина Тимофеевна.

– Очень приятно, – улыбнулся Яблонский.

– Добрый день. Добрый день. – По-волжски округляя «О» заговорила Нина Тимофеевна – милая, словоохотная, хлопотливая женщина. – Да вы проходите. Проходите. Я как раз самовар поставила. Прошу.

Яблонский вошел в огромную гостиную и впрямь увидел на столе пузатый, сверкающий золотыми боками самовар.

– А я думал, вы шутите! Про самовар. В шутку называете так чайник.

– Что вы милый, у нас всегда только самовар. Я с детства привыкла чай из самовара пить. Это нынче из чайников пьют, а разве ж это чай. Да, вы приходите к столу, попробуйте мой чаек и булочек наших попробуйте. Я их сама делаю. Да, я вообще все сама делаю. И пеку и убираю. Другие, знаете – ли, домохозяйек держат, а я сама. Я из трудовой семьи. Как же я буду заставлять других на себя трудиться? Правильно я говорю, Григорий?

– Правильно!

– А вот Таточка говорит, что я должна нанять домработницу...

– Я так говорю, – вставила реплику Тата, – потому что у тебя большое сердце, и тебе нельзя перенапрягаться.

– Пере —пере прягать.. Тьфу ты, слово какое выдумала. Я знаете, Григорий, пока за Ивана Николаевича замуж не вышла и на стройке работала, и на фабрике, да и замужем сложа руки не сидела. Теперь вот по состоянию здоровья дом веду, а у нас ведь большой дом. Да, вы садитесь к столу. Чая выпейте с пирожком. Вы, какой любите с капустой, с грибами, у меня всякие есть. Закусывайте, а как придет Иван Николаевич мы и покушаем. У меня гречневая каша с котлетами и борщ красный. Любите борщ?

– Разумеется, люблю.

Не успел гость съесть и двух пирожков, как дверь гостиной распахнулась, и в квартиру валкой походкой вошел медведь. Разумеется, не медведь в чистом виде, а плотно сбитый и какой-то весь волосатый – Иван Николаевич Альков.

«Откуда у таких простаков такая изящная дочь?» – взглянув на Ивана Николаевича, а потом на его жену, подумал Григорий.

– Здравствуй, Иван Николаевич, – обратилась к мужу по имени отчеству хозяйка дома. – А у нас гость.

– Я вижу. Вижу. Иван Николаевич. – Хозяин протянул свою крепкую ладонь Яблонскому.

Яблонский пожал руку хозяина и представился:

– Григорий

– Наша, рука, крепкая рабочая! – Похвалил пожатие Яблонского хозяин. – Да, вы присаживайтесь. Ну, что у нас, мать, сегодня на обед? Мечи все на стол. Я голодный, как медведь после зимней спячки.

– Сейчас, несу Иван Николаевич. Несу, дорогой.

Хозяйка проворно выбежала на кухню. Вначале Нина Тимофеевна вынесла огромный поднос, заставленный различными закусками. За ними огромную фаянсовую миску с дразнящим ноздри красным борщом. За борщом последовала огромное блюдо с развалистой крупинка к крупинке гречневой кашей. Потом появилась гора, с золотистой корочкой, домашних котлет. За ними явился графинчик домашнего, как объявила хозяйка, изготовления, водочкой. За водочкой на стол взбежали: вишневый, грушевый,

клубничный компот, а уж за ними взобрался густой черничный кисель. Ко всему этому компото-кисельному раздолью были поданы. 1.Сдобные булочки. 2.Пирожки. 3. Пирожные. 4.Кремный торт.

– Ну, Григорий, за знакомство. Употребляете? – Указав на графин, поинтересовался Иван Николаевич.

– Да.

– И правильно! – Обрадовано воскликнул хозяин дома. – Рабочий человек может и должен выпить!

– Папа, но Григорий Ильич не рабочий человек, а научный сотрудник. – Возразила Тата. – Он работает в моем НИИ.

– Какая разница, где он работает. Главное – работает. Значит человек рабочий. Правильно я говорю, Григорий?

– Правильно!

– Тогда поехали!

Иван Николаевич опрокинул маленькую рюмку в свой огромный рот и принялся за еду.

Такого зверского аппетита гость никогда прежде не встречал. Иван Николаевич, комментируя блюда, что походило на урчания голодного зверя, с молниеносной скоростью поглощал в себя и закуски, и борщ, и кашу. Пока Яблонский ковырял еще первую котлету, Иван Николаевич проглотил их уже добрый десяток. Пока гость все еще посматривал на свою невыпитую рюмку, хозяин дома выдул уже весь графин.

– Ну, кажется, что и ничего! – Похлопывая себя по животу, объявил Иван Николаевич. – Спасибо, мать. Подойди, а то мне трудно встать, я тебе поцелую.

Хозяйка подошла к Ивану Николаевичу, и тот смачно чмокнул ее в красную от беготни щеку.

– Ну, что, Григорий, пока тут женщины буду убираться, пойдем-ка ко мне, брат, в кабинет. Выкурим по сигаре. Наш сотрудник привез мне с Кубы отличные сигары. Ты куришь – то? Григорий, хотя и не курил, ответил:

– Так, балуюсь.

– Вот тебе на! И я тоже балуюсь – засмеялся хозяин, тяжело поднимаясь со стула. —

Ну, значит пойдем, побалуемся вместе!

Они прошли в рабочий кабинет Ивана Николаевича. Своей простотой он скорее напоминал артель, чем кабинет: на полу валялись лыко и ивовые прутья, стояли плетеные корзины,

в тазах лежали куски глины. У одной стены Яблонский увидел гончарный круг, и столярный верстак, а у другой небольшой токарный станок.

– Не удивляйся, Гриша, люблю в свободное время поработать руками. Руки-то зачем человеку нужны? Не онанизмом же заниматься, правильно? – грубовато пошутил замминистра. – Вот я и работаю, то сплету, то состругаю, то смастерю чего из металла. Ты, так как насчет руками поработать? Можешь чего?

– Могу, почему не мочь. Мы с матерью вдвоем жили, отец от нас ушел, когда я маленький был. Поэтому приходилось все делать самому, и починять, и поправлять. Много могу...

– Молодец, брат, хвалю! – Воскликнул обрадованный таким ответом хозяин. — Садись. Отдыхай!

Иван Николаевич указал на деревянный резной стул.

– Сейчас мы с тобой закурим. Посмотрим, что это за сигары такие. Альков раскурил сигару. Сделал затяжку и закашлялся.

– Вот зараза, крепкие! Крепче нашего самосада.

– А сигары и впрямь ничего, а то я слышал, что Кастро их уже загубил. – Выдыхая дым, сказал Яблонский. – Как впрочем, и ром...

– И где ж ты это слышал? – С веселым прищуром глянул на Яблонского Иван Николаевич. – По вражьиим голосам, небось! Да ты не тушуйся, Гриш, не тушуйся, я и сам их слушаю. Специально для этого японский приемник купил. Вон видишь, на полке стоит.

Яблонский взглянул на полку. Там и в самом деле стояла «мечта меломана» — новенький японский музыкальный центр.

– Когданибудь вместе послушаем. У тебя как с Татой? Жениться, когда думаешь? Гость с недоумением взглянул на Ивана Николаевича и, захлопав ресницами, ответил:

– Да мы только сегодня с Татьяной познакомились. Иван Николаевич...

– Ну и что! Ты парень хороший, я это сразу подметил. Татьяне именно такой как ты, и нужен.

– Да, вы шутите, Иван Николаевич!? То ли спросил, то ли констатировал Яблонский.

– Я вас не понимаю?

– Альков, брат, такими серьезными вещами не шутит. Раз сказал, женись – значит это капитально!

Иван Николаевич затаился и замолчал. Выдохнув замысловатый клуб дыма, продолжил:

– Татьяна девушка хорошая. Я ее очень люблю! Да, ты не смотри на меня с таким изумлением.

«Надо же, – думал Яблонский, – там меня в первый же день сватали, и горы золотые обещали, и здесь хомутают. Как будто я сын высокопоставленного папаши или сам ответственный работник. А я же никто – ноль. Так чего же они так на меня западают, точно пчелы на нектар?»

Иван Николаевич меж тем продолжал:

– Она ведь нам не дочь. Точнее не родная дочь. Родители Танюшкины, наши с женой приятели, погибли во время переворота в африканской стране. Ну, мы и взяли, так как детей у нас своих не было, ее к себе. Вырастил я ее, выучил и она мне как дочь, только я не могу тебе это словами объяснить почему, она мне даже больше чем дочь!

«Ах, вот отчего она на них не похожа. – Подумал Яблонский, и тут в его голове родилась дикая мысль. – А может – он с ней спал, а теперь хочет пристроить ее замуж? Ведь сам сказал она мне больше, чем дочь. А что так раньше делали генералы – выдавали надоевших любовниц за адъютантов и помогали деньгами. А он ведь у нас производственный генерал»...

– Так, что женись, Гриша.

– Да, что вы Иван Николаевич. – Недоуменно глядя на собеседника, сказал Яблонский. – Я вас не понимаю. Вы шутите.

– Да, что ты все заладил с этими шутками. Альков, брат, человек серьезный. Гость тоже принял серьезный вид и торжественным голосом заговорил.

– Ну, а если серьезно, то я вам скажу так. Допустим, я за. Допустим, но мы с вами, не знаем, хочет ли этого Татьяна, это раз...

Иван Николаевич не дал закончить Яблонскому.

– Танюшка тебя в первый день знакомства привела домой, такого никогда не было. Значит, я делаю вывод, что ты ей понравился. Вот так, брат, понравился, а ты мне ту понимаешь, считалочки устраиваешь. Раз, два, три, четыре, пять я иду искать!

– Может быть вы и правы, Иван Николаевич, может быть я и симпатичен Татьяне, но все одно у меня ощущение неестественности происходящего. Как-то всё очень лихо у нас получается. Вы не находите?

Альков сильно хлопнул себя ногой и ответил:

– А я бывший танкист, Гриша, привык действовать быстро и решительно! Я когда в армии служил, так мы нашей танковой бригадой, в Венгрии быстро порядок навели! А нынче, понимаешь ты, возятся, возятся. Я тебе объясню почему. Потому что у нашего правительства утеряна решимость и лихость. Ну, так ты ж посмотри на них. Дряхлые старики.

– И все-таки, Иван Николаевич, простите но, по-моему, весь наш разговор смахивает на какой-то сюр, абсурд, если хотите.

– Сюр, абсурд, нахватались, понимаешь, слов. Да никакого тут абсурда нет, а есть обычное сватовство. Я тебя сватаю за свою дочь. Понимаешь, сватаю, а не предлагаю, задрать штаны в ЗАГС бежать.

– Иван Николаевичи все-таки я продолжу свою, как вы выразились, считалочку. – Быстро заговорил Яблонский. – Первое, мы, вроде бы, выяснили, теперь второе.

Второе же заключается в том, что, я молодой специалист, зарплата соответственно сами понимаете, не позволит обеспечить вашей дочери достойную жизнь. Третье еще хуже – живу я в общежитии. Кроме меня в комнате проживают еще два таких же, как я, молодых специалиста. Куда прикажите мне привести свою будущую жену и вашу любимую дочь?

Яблонский закончил перечисление, перевел дыхание и уже более спокойно, продолжил. – Так что я вначале займусь улучшением своего материального положения, а уж потом женюсь.

Иван Николаевич громко засмеялся:

– Да, пока ты, брат, будешь улучшать свое материальное положение, то все твои потенциальные невесты превратятся в старух. А кашу, как у нас в народе говорят, нужно есть, пока она горяча. То есть жениться нужно молодым! Так – то, Гришаня! А насчет этих твоих беспокойств, так ты на них наплюй и разотри. Мы и квартиру сделаем, и должность денежную для тебя подберем.

Иван Николаевич сжал пальцы во внушительные кулаки и произнес.

– Все, голубь ты мой, в моих трудовых, мозолистых руках. Я этими руками для дочери все сделаю. Только уж и ты ее не обижай.

Иван Николаевич вдруг сделал злое, зверское лицо и изменившимся до неузнаваемости голосом произнес:

– Потому как, если обидишь, Танюшку, то я на одну твою ногу наступлю, а другую вырву. Понял?

И не дождавшись ответа, дружески хлопнул Яблонского по плечу. Весело засмеялся и сказал:

– Пойдем-ка, Гриша, еще по Чайковскому!

Они вышли из кабинета, и Иван Николаевич заговорил о себе.

...Я, Григорий, всего своими руками и своей кумекалкой, – он постучал себя по голове, – до всего дошел. И до положения, и до уважения в обществе. А как я трудился, чтобы всего этого добиться! Иван Николаевич обвел рукой свои воистину царские покои.

– Ого-го-го! Я ведь, когда в техникуме учился, еще на стройке сторожем подрабатывал и уже тогда грамоты от начальства имел...

Ты спроси в министерстве, да, да, походи и спроси, кто такой Иван Николаевич Альков, и любая тамошняя собака ответит тебе, что Альков это голова. И оно, брат, так и есть...

– Ну, вот пошел языком молоть. Больше беленькой не получишь. – Ударил мужа полотенцем Нина Тимофеевна. – Не слушайте его, Григорий...

И, правда, выпивший Иван Николаевич сильно привирал. Будучи студентом техникума, он и впрямь работал сторожем. Рабочий график дежурств был расписан странным, но очень удобным для И. Алькова, образом. В одну ночь дежурил Ваня Альков, а во – вторую никакого! В свое дежурство, сегодняшний замминистра, складывал ровным штабелями доски, кирпичи, плитку, цемент и арматуру, а следующей ночью грузил все

это в начальственные грузовики. Начальство не оставило без внимания сообразительного и исполнительного сторожа.

Так началась карьера Ивана Николаевича Алькова.

– А я и не собираюсь больше беленькую пить, – Иван Николаевич обнял жену за плечи, – мы с Гришей лучше по Чайковскому...

Татьяна, изумленно взглянув на отца, сказал:

– Как ты уже называешь нашего гостя Гришей. Быстро ты...

– А он у нас не только Гриша, он у нас теперь и твой жених. Я тебя за Григория посватал!

– Папа! – Воскликнула Тата. – Ты сошел с ума!

– Ну, ты и впрямь, отец, перегнул палку. – Ударил все тем же полотенцем супруга

Нина Тимофеевна. – Совсем сдурел, ей-Богу!

Иван Николаевич рассмеялся, обнял своих дам:

– Да не волнуйтесь вы так, мамочки мои! Никого я не сватал. Я просто сказал, что Тата и Гриша подходят друг – другу, а там уж ваше дело. Как сладите, так оно и будет. Правда, мать?

Картина одиннадцатая

С того домашнего разговора прошло три месяца. Григорий уже работал на руководящей должности в министерстве Ивана Николаевича. Жил в отдельной комнате в ведомственной министерской гостинице. Как-то Григорий с Татой были в одной молодежной компании, зашла речь об университете. Кто-то вспомнил преподавателя научного атеизма Татьяну Алексеевну.

– А знаете. – Сказала, обращаясь (хотя он видел ее впервые) непосредственно к Григорию, эксцентрично одетая, похожая на колдунью из иллюстрации к детской сказке, девушка со странным именем Магда. – А Катя-то ведь умерла.

Яблонский вздрогнул:

– Какая Катя? – спросил он девушку. – Я вас не понимаю.

– Катя – это дочь Татьяны Алексеевны. – Ответил за девушку молодой человек. – Я даже ее немного знал. Неужели умерла!? Вот беда. Так беда! Она ведь у Татьяны Алексеевны единственная дочь. Это ее убьет! Определенно убьет!

– Да бросьте вы о грустном. – Потребовал хозяин вечеринки. – Давайте-ка, лучше к столу. Прошу садиться.

Весь вечер Яблонский сидел за столом, и вяло, ковыряясь вилкой в закусках, думал о Кате.

– Да, что это с тобой сегодня, Гоша, какой-то ты не живой. Что случилось? Тебя что так расстроила смерть этой девушки. Ты, что ее знал?

– Нет, я ее не знал, но мне ее жалко. Такая молодая. Вся жизнь впереди, а тут вдруг хлоп и нет тебя такой молодой, нежной, красивой. Заколотили все, что от нее осталось в черный ящик и сбросили в землю. И будет она теперь там лежать до скончания веков. Разве это не печально? Мне всегда жаль умерших, особенно молодых.

– Ой, какой ты, – Тата нежно поцеловала Яблонского в щеку, – у меня жалостливый. Может, пойдем домой?

– Какая ты у меня понимающая, Тата. – Обняв Тату, сказал Яблонский. – Я тебя обожаю!

В комнате Яблонского затрещал телефон. Звонила Тата.

– Гоша, ты не забыл, что в десять у нас встреча с работницей ЗАГСа.

– Тата, дорогая, за кого ты меня принимаешь, как же я могу об этом забыть. Забыть о таком событии! Не ожидал, дорогая. Не ожидал...

– Ну, прости, Гошик, прости. Я жду.

– В десять буду как штык.

– Тогда до встречи. Чмок моего Гошика. – Тата оборвала связь. Яблонский взглянул на часы. Восемь тридцать.

– Позавтракаю где-нибудь по дороге. – Решил Григорий.

Он побрился, натер докрасна щеки одеколоном. Надел чистую рубашку, галстук, новенькие туфли.

Похлопал по карманам пиджака:

– Так расческа на месте, паспорт на месте. Деньги.

«Жених» достал из кармана портмоне. Пересчитал деньги. Ровно сто пятьдесят рублей.

Жалование за последний месяц.

«Возьму рублей тридцать. – Яблонский отсчитал десятки, потом решил. – А нет, возьму лучше все. Вдруг кольца придется покупать, Тата платье захочет или вдруг в

ресторан пойдем. Пусть лежат. Они карман не тянут» Григорий причесался, взглянул на прощание в зеркало.

– Хорош, хорош, – произнес он, стряхивая с пиджака пылинки. – Красавец! Молод, красив, здоров и счастлив чрез это безмерно. – Пропел он сочиненный некогда мотив.

Рано пташечка запела, как бы кошечка не съела. – Вспомнил Григорий слова проректора. – Дудки, нет такой кошечки, чтобы съесть такого орла как я!

Яблонский улыбнулся отражению и сказал:

– Ну, тронем, брат? Разумеется, тронем!

Он вышел из номера. Спустился на лифте в лобби гостиницы.

– Григорий Ильич, можно вас минуточку, – лакейским голоском позвал Яблонского швейцар, – тут вам, если так можно выразиться, пакетик. Извольте получить.

Яблонский взял в руки серый, как арестантская роба, конверт. Вскрыл его, и прочел содержание письма.

«... Вам необходимо явиться в 15 отделение милиции к 9:30 в кабинет №9. При себе нужно иметь документы, удостоверяющие личность. Старший следователь И. Л. Кривоной...»

Григорий вышел из гостиницы день был хоть и пасмурный, но теплый. Он пошел по проспекту, соображая, что ему делать.

«Вариантов у меня не густо, а точнее всего два. Идти в ЗАГС и не идти в милицию или наоборот. Начнем с милиции. Туда меня вызывают, с какой целью? Ясное дело, допросить по делу о пропаже книги из личной библиотеки Татьяны Алексеевны Вышнепольской. То есть где находится украденная вами книга? И что я на это отвечу? Промолчу. Сделаю вид, что я ничего не знаю, но у них уже, наверняка, есть показания ректора, а то откуда бы они узнали обо мне? Может Катина мама, в заявлении написал, что я приходил к ним в квартиру. Нет, – отмел это Яблонский, – она не знает мое

настоящее имя. Значит ректор! И, как я должен буду отреагировать на показания Дмитрий Алексеевича? Прикидываться дурачком и молчать? Но в управе молчать не дадут! Что-то, а выбивать нужную им информацию они умеют! Они и мертвого, если понадобится, разговорят. Они все из меня выбьют... Подключить к этому делу «медведя»? Так Яблонский называл Ивана Николаевича. Но там такое всплывет: и ограбление, и сговор,

и даже Катину смерть мне пришьют. И правильно, ведь это я убил Катю! «Медведь», когда это все узнает, то, как и обещал – на одну мою ногу станет, а другую вырвет. Думай, Гоша. Думай, нужно, что-то придумать, без этого никак...»

Григорий остановился возле незнакомого ему скверика. В нем, несмотря на бойкое время, не было ни души. Не успел, Яблонский присесть на сучковатую поверхность скамьи, как на аллее появилась пестро одетая цыганка:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.